

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Федеральное государственное казённое образовательное
учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. В. Лукьянова»

Рукопись вычитана.
Приведенные в рукописи цитаты,
названия, фамилии, имена, отчества,
цифры и даты достоверны.

Подпись _____

А. А. Коробов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕРРОРИЗМА КАК ФОРМЫ ХОМОДЕСТРУКТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ

Методические (практические) рекомендации

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова
2016

УДК 33
ББК 65
К68

Рецензенты:

Е. Д. Исаева, кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
БФ ВПК МВД России,
Л. Н. Госсельбах, начальник правового отдела УМВД России
по Орловской области

К68 **Коробов А. А.**
Социально-экономические аспекты терроризма как формы хомодеструктивной экономики : методические (практические) рекомендации / А. А. Коробов. – Орел : ОрЮОИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2016. – 52 с.

В методических (практических) рекомендациях рассматриваются основные социально-экономические, теоретические и практические аспекты противодействия терроризму как форме хомодеструктивной экономики. Рекомендации предназначены для курсантов, слушателей, преподавателей, руководителей отделов и служб ГИБДД, а также всех, кто интересуется проблемами борьбы с терроризмом.

Работа публикуется в авторской редакции

УДК 33
ББК 65

© ОрЮОИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2016
© Коробов А. А., 2016

Оглавление

Введение	4
§ 1. Трансформации современного терроризма и среднесрочный прогноз террористической активности	5
§ 2. Социально-экономические аспекты исламского терроризма	24
§ 3. Социально-экономические аспекты западного радикализма	34
Заключение	52

Введение

В современных условиях в ряду глобальных угроз и вызовов человечеству не последнее место занимает терроризм. В представленной работе делается попытка системного анализа социально-экономических аспектов терроризма как формы хомодеструктивной экономики, т. е. экономики, разрушающей человека и личность.

Ни для кого не секрет, что зачастую террористические организации используют психические и психологические техники и технологии направленные на подавление морально-волевых качеств адепта.

Вместе с тем, подобная деятельность была бы невозможна без существенных финансовых вливаний и социально-экономических условий, способствующих постоянному пополнению рядов боевиков все новыми и новыми членами.

В методических (практических) рекомендациях рассмотрены две модели терроризма новейшего времени – украинская и ближневосточная. Также их можно охарактеризовать как западно-радикальную и исламистскую. В принципе они являются типовыми для ряда стран и могут различаться лишь в деталях, обусловленных рядом специфических социально-экономических, исторических и политических особенностей данного конкретного государства.

В методических (практических) рекомендациях рассматриваются основные проблемы противодействия именно социально-экономическим аспектам терроризма, поскольку доказано, что терроризм развивается в той социально-экономической среде, где:

- 1) высок уровень недовольства социально-экономической политикой государства;
- 2) низок уровень доходов основной части населения;
- 3) идеология государства и правящего класса идет вразрез с идеологией основной массы населения;
- 4) высок уровень правового нигилизма.

§ 1. Трансформации современного терроризма и среднесрочный прогноз террористической активности

На сегодняшний день требуется трезвая оценка состояния, перспектив, характера террористических рисков.

В современном терроризме явно обозначились несколько новых трендов.

Во-первых, терроризм становится преимущественно профессиональной деятельностью. Профессионализация терроризма, его мобильность и адаптивность заставляют пересмотреть сам формат стратегии и тактики правоохранительных органов.

Во-вторых, происходит изменение конфигурации сил в террористических и экстремистских коалициях, прежде всего, за счет трансферта прошедших обучение профессиональных террористов и идеологов экстремизма в государства Центральной Азии, регионы России со значительной долей мусульманского населения.

В-третьих, терроризм фактически стал новой, альтернативной формой войны. Имеет место переплетение боевых действий и террористических акций. Террористическая деятельность приобрела формат модифицированной партизанской войны, что обусловило и переход силовых структур государств от форматов войсковых действий к технологиям точечных контртеррористических операций.

В-четвертых, активно создаются альтернативные или параллельные сети террористических организаций. Например, Аль-Каида фактически стала развиваться по правилам сетевого маркетинга, по правилам франчайзинга. Например: в национальные перечни России и Казахстана помимо Аль-Каиды входят такие террористические организации как «Асбат-аль-Ансар», «Братья-мусульмане», «Жамаат моджахедов», «Исламская партия Туркестана», «Лашкар-и-Тайба», «Общество социальных реформ», «Хизб-ут-Тахрир».

Эти тренды обеспечивают эскалацию диверсионно-террористических угроз на территорию и России, и сопредельных государств, в том числе Центральной Азии. Мы реально можем столкнуться с несколькими региональными войнами на своей территории или на территории наших военно-политических союзников.

В докладе Всемирного экономического форума (ВЭФ), посвященном глобальным рискам резюмируется, что из 23 видов угроз, стоящих перед планетой, 15 только усугубились. Это глобальное изменение климата, внезапный рост цен на нефть, замедление глобализации. К их числу относится и терроризм. По мнению экспертов ВЭФ, некоторые из угроз способны нанести ущерб мировой экономике в триллион долларов. Причем вызванные ими негативные последствия могут наложиться друг на друга.

Среди наиболее значимых факторов, формирующих террористические угрозы, исследователями выделяются следующие:

- 1) реализация стратегии дестабилизации;
- 2) операции «ложного» терроризма;
- 3) устойчивая связь географии повышенной террористической активности с регионами добычи углеводородов;
- 4) качественные изменения «реального» терроризма, сделавшие его новой формой войны;
- 5) расползание радиоактивных материалов, их выведение в неконтролируемый оборот, реальность угрозы радиологического терроризма.
- 6) угроза биотерроризма.
- 7) дефицит водных ресурсов как фактор террористических рисков.

Что представляет собой стратегия дестабилизации? Это фактически переадресация ответственности за террористические действия таким субъектам, которые не имеют к этому действительного отношения. Однако, стратегия дестабилизации может быть представлена действиями, которые лишь внешне сходны с террористическими актами.

Обращает на себя внимание тот факт, что в последние годы заметно участилось количество террористических актов, совершаемых как в Европе (прежде всего, Испании с ее мятежной провинцией басков), так и в других регионах мира, за совершение которых ни одна террористическая организация не взяла на себя ответственность. Либо ответственность объявлялась через значительный промежуток времени.

Специалисты справедливо подчеркивают, что терроризм следует рассматривать как насильственные действия, замышляемые не только в целях привлечения внимания к определенному делу, но в результате получаемой огласки донесения до широкой аудитории определенных идей¹.

По словам Фредерика Хейкера, психиатра и видного специалиста по терроризму, террористы стремятся «устрашать, а путем устрашения – господствовать и управлять. Они хотят произвести впечатление. Они работают на аудиторию и призывают аудиторию к участию»².

Принимая во внимание то обстоятельство, что терроризм по своей природе носит демонстрационный характер и всегда преследует конкретные, как правило, политические цели, сопоставление указанных цифр не может не настораживать.

¹ Существует более сотни определений этого понятия. Например, согласно определению Государственного департамента (статья 22, раздел 2656 Кодекса законов США), терроризм – это «преднамеренное политически мотивированное насилие в отношении невоенных целей, которое совершается субнациональными группами или тайными агентами и целью которого обычно является воздействие на аудиторию». Специалисты сходятся в том, что едва ли возможна выработка универсального понятия терроризма.

² Frederick J. Hacker, *Crusaders, Criminals, Crazies: Terror and Terrorism in Our Time* (New York: W. W. Norton, 1976)

Рассматривая механизм стратегии дестабилизации, можно с уверенностью сказать, что он был апробирован и отчетливо проявился при формировании так называемых секретных армий НАТО на территории суверенных государств Европы в период «холодной войны».

Сам по себе тактико-стратегический прием создания на оставляемой территории тайных воинских подразделений не нов. Он использовался и русской армией в период Отечественной войны 1812 года, и армией СССР в период Великой Отечественной войны, когда было ясно, что территория будет временно оккупирована военным противником. В результате было обеспечено партизанское движение, ведущее активные диверсионные действия на оккупированных территориях.

Однако в период «холодной войны» специализированные воинские подразделения Северо-Атлантического альянса были призваны решать задачи, соответствующие новой политической ситуации, геополитическому военному балансу сил в послевоенной Европе.

Тайные структуры НАТО снаряжались, финансировались и обучались Центральным разведывательным управлением совместно с МИ-6, британской разведывательной службой, для борьбы с вооруженными силами Советского Союза в случае войны, а также для того, чтобы совершать террористические акты в различных странах.

На сегодняшний день очевидным остается факт – даже и после окончания «холодной войны» стратегия дестабилизации получила свое дальнейшее развитие.

В прямой связке со стратегией дестабилизации, проводимой НАТО, находится такой феномен как операции «ложного» терроризма (False flag terrorism). Выражение False flag operations (операции «ложный флаг») используется для обозначения террористических актов, тайно направляемых правительствами или организациями, представляемых затем как теракты, проведенные другими людьми¹.

В новейшей истории типичным объектом операции ложного терроризма стал Ирак и лично Саддам Хусейн. Формальным поводом для начала агрессивной войны США против Ирака стала, как известно, неподтвердившаяся информация о наличии в Ираке химического и биологического оружия и готовности режима Хусейна применить его в целях устрашения потенциального противника – Ирана и Сирии. Кроме того, общественное мнение подверглось массовой информационной атаке, формирующей ложное представление о том, что теракты 11 сентября в США связаны с деятельностью не только «Аль-Каиды», но и Ирака. Сформировались такие понятия как «ось зла», «исламофашизм», «террористическое государство».

¹ См. подробнее: Гансер Д. Необъявленный терроризм НАТО // Voltairenet. 11.01.07; NATO's secret Armies: Terrorism in Western Europe (НАТО: секретные армии в Европе). М., 2006.

Проведение операций ложного терроризма сопровождается гиперактивной пропагандистской кампанией, призванной обеспечить общественную поддержку и легитимизировать проведение военных операций, весьма далеких от подлинных целей пресечения и предупреждения терроризма.

Таким образом, цель операций «ложного терроризма» – создание «политической крыши» военным операциям и установление политического контроля в случае невозможности непосредственного военного контроля. Другая цель – манипулирование общественным мнением при решении геополитических задач.

Очевидна и еще одна характеристика операций дестабилизации и операций ложного терроризма. Геоэкономическая карта мира оказывается «матрицей», на которую налагается «предметный слой» географии современного терроризма.

Как отмечает Даниэль Гансер – сотрудник Швейцарского Центра исследований проблем безопасности – настоящей причиной войны является контроль над сырьевыми и энергоресурсами. И тот, кто хотел бы завладеть ими, должен маскировать свои намерения посредством таких манипуляций.

По обоснованному мнению российских аналитиков речь идет о борьбе в том числе и за контроль над энергоресурсами евразийского континента, которые расположены в «стратегическом эллипсе» – от Азербайджана через Туркменистан и Казахстан до Саудовской Аравии, Ирака, Кувейта и Персидского залива. Именно в этом регионе, где происходит война с терроризмом, сконцентрированы крупнейшие запасы нефти и газа.

Очевидно, что речь идет о геостратегической игре, средством которой выступает терроризм.

По мнению аналитиков речь идет о двух принципиально важных с точки зрения энерготранзита регионах. Во-первых, это каспийско-черноморский регион.

США заинтересованы в перенаправлении основных нефтегазовых потоков из Средней Азии в обход России. Для этого американцам необходимо сохранить безусловный контроль над нефтепроводом Баку – Тбилиси – Джейхан и обеспечить себе военное присутствие в Каспийском море. США уже создали в Азербайджане военно-морскую группу быстрого реагирования Caspian Guard.

Как отмечают наблюдатели, помимо стремления овладеть богатейшими энергоресурсами Каспия и транспортными магистралями «Европа-Азия», США пытается вытеснить Россию из Центральной Азии, дополнительно изолировать Иран и противодействовать усилению позиций Китая в регионе.

Пресловутый Каспийско-Персидский энергетический Эллипс включает государства СНГ и сопредельные государства, стабильность которых, мягко говоря, не очевидна.

Именно на территориях стран Содружества, расположенных в Центральной Азии и на Кавказе, сегодня разворачивается основной театр политических манипуляций под флагом борьбы с терроризмом.

На смену открытым вооруженным столкновениям регулярных армий приходят войны неявные, засекреченные. Они осуществляются с чужих территорий и якобы третьими силами. В последнем случае мы имеем дело с явлением, максимально закамуфлированным под терроризм.

Такие государства Центральной Азии и Южного Кавказа как Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Кыргызстан, Грузия, Армения и Азербайджан составляют в версии Бжезинского территориальное ядро «Евразийских Балкан».

По оценкам ряда аналитиков, США стоят на пороге серьезного энергетического кризиса. Уже сейчас при собственной добыче 340 миллионов баррелей нефти они вынуждены импортировать более 600 миллионов. Поэтому, прогнозируя обострение проблемы нехватки энергоресурсов уже в ближайшие десятилетия, американцы, используя свое военное и экономическое превосходство, загодя берут под контроль основные маршруты транспортировки углеводородного сырья.

Если внимательно проанализировать географию новых военных баз США (созданных и еще только запланированных), становится ясно, что Соединенные Штаты целенаправленно устанавливают полный контроль над нефтегазовыми ресурсами Центральной Азии, Каспийского региона, Среднего и Ближнего Востока и маршрутами их перевозок¹.

Ситуация заметно осложняется тем, что «окончательно сформировались две экстерриториальные зоны конфликтов: афгано-таджикская граница и Ферганская долина, прямой коридор к которым имеет исламистский, террористический и наркотический трафик из Афганистана»².

В этой связи можно прогнозировать эскалацию террористической угрозы в Центральной Азии в ближайшие 2-3 года.

Учитывая изложенное, едва ли можно согласиться с мнением о том, что угроза для России на Юге оформится не ранее среднесрочной перспективы (10-15 лет)¹. По мнению экспертов при худшем варианте развития событий Россия может столкнуться здесь даже с несколькими региональными войнами на своей территории или на территории наших военно-политических союзников. Такая угроза уже сформировалась и государства СНГ должны адекватно реагировать на нее.

Самостоятельным фактором нестабильности следует считать также мутации современного терроризма.

¹ Ефимов Н. Н. Глобализация: военный аспект // Красная звезда. 2011.

² Перспективы войны в Закавказье и Средней Азии [Электронный ресурс]. URL: www.regnum.ru (дата обращения: 13 июня 2008 г.).

¹ См. например: Картунов С. Прогноз для России [Электронный ресурс]. URL: www.aquilonclub.ru.

Здесь следует выделять приобретение террористическими группами признаков «сетевой» организации, переход ядерного терроризма с использованием «грязной» бомбы и биологического терроризма в разряд реальных угроз.

Оценивая основные тенденции глобальных террористических угроз на ближайшие несколько лет, эксперты Института обороны и стратегических исследований при Наньянском технологическом университете (IDSS) (Сингапур), выделяют следующие:

- большинство стран начнут относиться к терроризму как к угрозе их собственной безопасности,
- Ирак превратится в международный эпицентр для воспроизводства международного терроризма,
- террористическая угроза в Афганистане возрастет,
- параллельно с Аль-Каидой будут выстроены и другие глобальные террористические центры,
- изменения в стратегии будут связаны с глобальным движением Джихад.

Ирак уже заменил Афганистан как эпицентр Джихада. Как Афганистан произвел последнее поколение бойцов, так движение в Ираке производит и катализирует появление нового поколения террористов-самоубийц и партизан.

С эскалацией терактов в Ираке и возобновлением насилия в Афганистане возрастет угроза политически мотивированного насилия, как на Ближнем Востоке, так и в Азии.

Угроза Северной Америке, Европе и Австралии будет возрастать из-за продолжающейся радикализации эмигрантов. Кроме того, пористость границ между террористическими группами привела к большему сотрудничеству между ними. Широкий обмен идеями, технологиями и даже специалистами между группами возрастает и резко увеличивает угрозу.

Таким образом, если рассматривать терроризм не столько с формально-юридической точки зрения как уголовно-наказуемое деяние, а с позиций военно-политических подходов, то следует признать, что **терроризм является сегодня результатом трансформаций военных технологий.**

По результатам специальных исследований¹ можно судить о характере современных террористических акций: в каждом втором случае террористические акты прямо связаны с боевыми действиями. Это обстоятельство само по себе указывает на доминирование в террористическом арсенале именно военных технологий.

¹ См. подробнее: Стратегическая оценка прогресса в борьбе с террористической угрозой. Государственный департамент США: Управление по борьбе с терроризмом [Электронный ресурс]. URL: usinfo.state.gov.

Все чаще специалисты рассматривают терроризм, как особую форму войны.

Известно, что Военная доктрина Российской Федерации среди угроз военной безопасности особо выделяет следующие угрозы террористического профиля:

- международный терроризм;
- противоправная деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских и террористических движений, организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки в стране;
- создание, оснащение, подготовка и функционирование незаконных формирований;
- незаконное распространение (оборот) на территории РФ оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и других средств, которые могут быть использованы для осуществления диверсий, террористических актов, иных противоправных действий;
- организованная преступность, терроризм, контрабандная и иная противозаконная деятельность в масштабах, угрожающих военной безопасности Российской Федерации.

Анализ этого документа позволяет утверждать, что с точки зрения военно-политической безопасности современное государство рассматривает терроризм как угрозу военного характера.

Говоря об угрозе радиологического терроризма можно с уверенностью сказать, что ядерный терроризм реален.

В период, последовавший после распада СССР, и получивший название «окончание «холодной» войны», модно было считать, что угроза ядерного конфликта аннулирована. Успокоенность наступила преждевременно, сегодня такая угроза реанимирована. Однако еще большей угрозой стал ядерный терроризм.

Специалисты-атомщики полагали, что продолжающийся научно-технический прогресс в условиях глобализации сделает ядерное оружие доступным для большинства стран к 2020 году. Но все произошло гораздо быстрее. Расширение «клуба ядерных держав» негласно происходит за счет еще более 30 государств, ядерные технологии которых уже достигли достаточно высокого уровня.

Ядерная угроза в мире сейчас более велика, чем когда-либо со времен самых острых конфликтов холодной войны. Так оценивает ситуацию газета Independent, ссылаясь на специалистов из чикагской организации «Бюллетень ученых-атомщиков». Может быть, самая большая опасность заключается в том, что организации типа «Аль-Каиды» стремятся заполучить в свои руки ядерное оружие, чтобы его использовать.

О «расползании» радиоактивных материалов по территории государств СНГ, Европы, Североамериканского континента написано немало. Достаточно обратиться к фактам, освещавшимся в средствах массовой информации в последние годы.

Серьезное свидетельство о попытках завладения «Аль-Каидой» обогащенным ураном было получено в ходе судебных слушаний по делу террористической сети бен Ладена (Нью-Йорк, февраль 2001 г.). Свидетель обвинения Джамаль аль-Фадль указал, что переговоры с гражданином Судана о приобретении урана из Южной Африки велись еще в 1993 г. Тогда представители спецслужб США указали, что у них нет сведений о наличии у «Аль-Каиды» урана. В сентябре 2006 г. один из лидеров «Аль-Каиды» в Ираке Абу Хамза аль-Мухаджер призвал ученых вступать в организацию и экспериментировать с радиоактивными устройствами для применения таковых против коалиционных войск. Al Arabiya в октябре 2006 г. продемонстрировал видеообращение Абу Яхима («Аль-Каида») с призывами учиться собирать ядерную бомбу Джихада.

По мнению экспертов, бурно развивается «черный рынок» ядерных материалов, технологий и экспертизы, охвативший ряд государств – членов Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) (Ливия, Иран, Ирак, КНДР, Саудовская Аравия, Алжир, Египет, Индонезия)

При этом нет уверенности в достаточной сохранности накопленных многими странами запасов ядерных материалов и, в отдельных случаях, даже ядерных боеприпасов, которые могут попасть в руки террористов путем хищения, подкупа или, как следствие, политической дестабилизации или гражданской войны.

Генеральный директор Международного агентства по атомной энергии Мохаммед аль-Барадеи в одном из своих обращений сообщил, что за последнее десятилетие МАГАТЭ зафиксировало в разных странах мира 650 попыток контрабанды ядерных материалов, и призвал мировое сообщество умножить усилия по защите имеющихся на планете запасов ядерных материалов от возможных посягательств со стороны террористов.

Проследим статистику с начала нового столетия: начиная с 2002 г. число фактов контрабанды радиоактивных материалов, пригодных для изготовления «грязной» бомбы, в Европе удвоилось. МАГАТЭ называет цифру 300. МАГАТЭ также предупреждает, что реальный уровень контрабанды может быть значительно выше, поскольку еще 344 случая за последние 11 лет не были подтверждены ни одной из 75 стран, ведущих мониторинг незаконной торговли радиоактивными материалами.

Федеральная таможенная служба России констатирует, что в 1995 году было пресечено четыре факта перемещения товаров и транспортных средств с повышенным уровнем ионизирующего излучения через границу. В 2004 году – уже около 200. При этом, в 2004 году 80 % таких случаев пришлось на ввоз в Российскую Федерацию, а 20 % – на вывоз.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, за последние десять лет пресечено более 40 фактов хищений ядерных материалов.

Надежность хранения радиоактивных материалов – одна из актуальных проблем. Но если западные специалисты обращают внимание на вероятность их утечки с «легальных» объектов энергетики и армии, то ученые-ядерщики государств СНГ ставят вопрос более реалистично. Они обращают внимание на такие объекты как медицинские и научные учреждения, заброшенные промышленные объекты, законсервированные рудники, отработанные «хвостохранилища». И здесь, действительно, проблема существует.

По мнению технических экспертов МАГАТЭ, создание «грязной» бомбы возможно с использованием *любых* радиоактивных изотопов. Цепная реакция в такой бомбе невозможна, но ее использование приведет к радиационному загрязнению местности. Интенсивность его в ряде случаев не будет достаточно высока, чтобы существенно повлиять на здоровье людей, однако само применение такого устройства и угроза рассеивания радиации может вызвать страх и панику среди населения.

Таким образом, ядерный терроризм является наиболее опасной разновидностью терроризма будущего.

На рубеже веков были созданы все предпосылки для его появления:

- наличие у ряда государств ядерного оружия (США, Россия, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Пакистан), имеющих существенные претензии друг к другу;
- появление большого числа так называемых «пороговых государств» (по оценкам специалистов, по меньшей мере, 30 стран находятся а пороге создания ядерных боеприпасов);
- активное накопление ядерных боеприпасов, несмотря на провозглашенный в мире процесс разоружения;
- существование на территории ряда стран мира промышленных и исследовательских атомных реакторов;
- наличие множества различных ядерных объектов инфраструктуры.

Все это создает объективные предпосылки для расширения сферы деятельности преступных и террористических группировок и распространения возможных актов терроризма на ядерно-оружейную и ядерно-промышленную сферы.

Также необходимо отметить, что эти процессы происходят на фоне устойчивого уранового дефицита.

Данные американской компании International Nuclear Inc:

– с 1985 по 2003 гг. коммерческие запасы урана в мире сократились на 50 %;

– на шахтах добыто около 55 % всего урана, использованного в 2013 г. и 45 % урана использовано после утилизации ракет;

– в 2005 г. мировое производство урана составило около 40 тыс. т при годовом потреблении 69 тыс. т. Урановый дефицит пока еще покрывается складскими запасами и вторичными источниками;

– по прогнозам МАГАТЭ, к 2020 г. годовое производство урана вырастет до 65-70 тыс. т при росте потребления до 82-85 тыс. т;

– 10 стран, ответственных за 94 % мировой добычи урана: Россия, Казахстан, Узбекистан, США, Канада, Австралия, ЮАР, Намибия, Нигер и Габон.

Наряду с химическим и ядерным терроризмом особую угрозу представляет **биотерроризм**, под которым в самом широком смысле следует понимать умышленное применение террористическими организациями, группой лиц или террористом-одиночкой биологических средств против людей (крупного региона, города, отдельного объекта), сельскохозяйственных животных, культурных растений с целью уничтожения людей, нанесения больших экономических потерь стране, навязывания определенной линии правительству в решении внутренних и внешних споров.

По обоснованному мнению ученых, «...Биотерроризм сегодня — это не только бактерии и вирусы, которые провоцируют эпидемии. Сегодня речь идет о биотерроризме на геномном уровне. Через воду, продукты питания в наш организм внедряется видоизмененный ген, несущий определенную тип информации. Более того, любое научное достижение в области геномной терапии может быть превращено в биооружие.

Например, одним из способов лечения рака является блокирование патологического гена. Если эту же технологию использовать для блокировки жизненно важного гена, синтез белков в организме будет непоправимо нарушен. Теоретически возможно на генетическом уровне запускать любые механизмы самоуничтожения организма. При этом врага не удастся „схватить за руку“ и бороться с ним будет чрезвычайно сложно».

Таким образом, угроза биотерроризма – это еще один фактор формирующий террористическую угрозу в мире.

Конец XX–начало XXI вв. ознаменовались рождением нового феномена – глобального (или катастрофического) терроризма.

После трагедии 11 сентября 2001 г. человечество изменило отношение к терроризму, его возможным масштабам и последствиям. Многочисленные теракты с массовыми жертвами от «Норд-Оста» и Беслана до трагедий Бали, Мадрида, Лондона и Мумбаи являются кровавым подтверждением изменившего облика современного терроризма.

Катастрофический терроризм (супертерроризм) отличается рядом совершенно новых характеристик.

Данный вид терроризма стремится к глобальному охвату и уже поэтому совершенно не обязательно ассоциируется с какой-либо конкретной политической проблемой. В отличие от терроризма как тактике решения

конкретной политической проблемы супертерроризм преследует неограниченные цели, которые, как правило, не рассматриваются террористами как предмет для переговоров. Примерами могут служить стремление «аль-Каиды» спровоцировать системный кризис международных отношений и бросить вызов Западу в целом или идея японской религиозной секты «Аум Сенрике» о мировом господстве¹.

Не трудно догадаться, что неограниченные цели предполагают использование более продвинутых и высокотехнологичных средств как можно более массового разрушительного действия.

В этой связи особую тревогу мировой общественности вызывает вероятность применения террористами оружия массового поражения (ОМП), которое становится более доступным в эпоху глобализации.

Бурное развитие современных биотехнологий дает широкий спектр возможностей использовать передовые достижения в различных направлениях деятельности человека, нередко «противоположных». С одной стороны – для лечения, с другой стороны – для создания оружия, в том числе биологического – для уничтожения людей.

В классификации современных рисков по степени угрозы опасность распространения биологического оружия, особенно его новых форм ученые ставят на первое место, далее следуют химическое и ядерное оружие.

По мнению специалистов, биологическое оружие опаснее тем, что оно обладает следующими характеристиками:

- намного больший масштаб зараженной территории, что приводит к заражению большего количества людей;
- слабый контроль зоны распространения, в связи с тем, что биологические агенты являются живыми и быстро размножающимися организмами;
- причиненный ущерб не всегда возможно компенсировать;
- длительность латентного периода;
- общность симптомов при огромном разнообразии возможных причин патологии.

Все эти качества крайне затрудняют диагностику, лечение и профилактику.

В настоящее время возможно:

- создание некоторых классов генов, приобретающих смертоносные функции только лишь после встраивания в клетку хозяина, организм которого сам синтезирует яд, его и убивающий;
- этнически нацеленного оружия, выбивающего даже отдельные группы среди популяций;

¹ Противодействие биотерроризму: политические, технические и правовые аспекты / под ред. А. Арбатова. М.: Росспэн, 2008. С. 24.

- однонаправленного биологического оружия, безопасного для агрессора, например на основе «медленных» и «спящих» вирусов с большими латентными периодами;

- генетических конструкций, идентичных фрагментам человеческого генома, которые в определенных условиях вызывают заболевания (доказать внешнее воздействие, при этом вообще невозможно)¹.

При распространении патогенов, которые распространяются достаточно легко, сделать это можно так, чтобы источник инфекции остался неизвестным. Открывается возможность «тихой биологической войны», в которой противник даже не узнает, откуда исходит опасность. При этом исчезает последний сдерживающий фактор².

В начале 2007 года Национальный совет по разведке в США подготовил специальный доклад по теме перспективы развития терроризма, в котором биотерроризм был назван «наиболее приемлемой формой проведения акций для малочисленных групп боевиков», а также обращается внимание на рост активности боевиков в поисках доступа к оружию массового поражения¹.

Еще раньше в 2005 году Генеральный секретарь Интерпола Рональд Ноубл тревожно отметил следующее: «На мой взгляд, глобальная сеть «Аль-Каида», ее желание совершить нечто невообразимое и собранные доказательства о террористических амбициях однозначно и четко предвещают опасность высшего порядка в отношении того, что «Аль-Каида» совершит теракт с применением биологического оружия»¹. Эту информацию можно считать показательной.

Пока наука не дала четкого определения биологическому терроризму, однако, нет сомнения в том, что в самом широком смысле под **биотерроризмом** следует понимать умышленное применение террористическими организациями, группой лиц или террористом-одиночкой биологических средств против людей (крупного региона, города, отдельного объекта), сельскохозяйственных животных, культурных растений с целью уничтожения людей, нанесение больших экономических потерь стране, навязывания определенной линии правительству в решении внутренних и внешних споров.

Биологический терроризм имеет целый ряд негативных последствий:

- **медицинские** – массовые заболевания людей с тяжелым течением болезни и высокой степенью летальных исходов, паника, страх, нервно-

¹ См.: Спирин А. Ф. Биологическая революция: угрозы мнимые и реальные // Химия и жизнь. 2000. № 9.

² Там же.

¹ См.: Севостьянов В. Терроризм на ... самоокупаемости // Военно-промышленный курьер. 2007. № 10.

¹ См.: URL: <http://www.inopressa.ru/jpost/2005/11/22/12:06:44/interpol>.

психические расстройства, инвалидность, паралич воли, истощение медицинских ресурсов, нарушение работы лечебных учреждений;

- **экономические** – заболевания и падеж продуктивных сельскохозяйственных животных, уничтожение урожая культурных растений, которые являются основным источником питания населения, массовый голод, рост числа беженцев, разруха, дискредитация страны на мировом рынке как торгового партнера, чрезмерные материальные и финансовые затраты на проведение противоэпидемических, карантинных и других мероприятий по ликвидации эпидемии;

- **политические и военные** – устранение или шантаж нежелательных политических лидеров, создание обстановки недоверия к руководству страны, активизация деятельности политической оппозиции, скрытый вывод из строя живой силы противника без вступления в контакт с его вооруженными силами.

По мнению ученых, перспективными средствами **биотерроризма** следует считать возбудители сибирской язвы, чумы и оспы.

В классификации биологического оружия самым опасным агентом считается **сибирская язва**. События осени 2001 г. в Америке напомнили об этом человечеству.

До применения в 2001 г. его пытались использовать японцы: как в печально знаменитом «отряде 731» до и во время Второй мировой войны, так и сектанты «Аум Сенрике» 60 годами позже. Однако еще раньше, во время Первой мировой войны сибирскую язву пытались использовать в диверсионных целях немцы. Интересно, что последний факт был доказан в 1998 г., когда английские специалисты из Портон Дауна обнаружили возбудителя в образцах, изъятых в Швеции у задержанных диверсантах 90 лет назад¹.

Эта болезнь протекает преимущественно в виде кожной формы, легочная и кишечная встречаются намного реже. Заразиться этой смертельно-опасной инфекцией можно через почву, куда бациллы обычно попадают из размытых скотомогильников (в настоящее время только в России существует 35 тыс. могильников).

Возбудитель сибирской язвы обладает уникальным свойством – образовывать споры, весьма устойчивые к неблагоприятным условиям внешней среды и быстро активирующиеся при попадании в организм жертвы. В скотомогильниках патоген может оставаться жизнеспособным десятки, а возможно сотни лет. Сибирская язва (при использовании как биологическое оружие) представляет собой мельчайший, легкий порошок, распыление нескольких килограммов которого над крупным городом может вызывать сотни тысяч случаев заболевания.

¹ Противодействие биотерроризму: политические, технические и правовые аспекты / под ред. А. Арбатова. М.: Росспэн, 2008. С. 44.

Для развития инфекции достаточно всего несколько десятков спор, попавших в легкие. Начальные симптомы сибирской язвы неспецифические и сильно напоминают банальное острое респираторное заболевание¹.

Серьезным биологическим агентом считается **чума**. В сентябре 1994 г. в индийском городе Сурат стало известно о первых нескольких случаях заболевания. Тогда около 500 тыс. человек на протяжении 2 дней оставили город, распространяя инфекцию по всей Индии и за ее пределами. Это привело к глобальной панике, экономические потери страны составили 2 млрд долларов США вследствие бойкота ее товаров и других карантинных мероприятий.

Возбудитель чумы является продуктом весьма быстрой (за несколько тысяч лет) эволюции другого патогена – возбудителя псевдотуберкулеза. Все три известные пандемии чумы вызывались генетически различными вариантами возбудителя, а недавние исследования французских ученых на Мадагаскаре показывают, что эволюция патогена идет быстрыми темпами до сих пор.

Натуральная оспа считается ликвидированной инфекцией, однако она продолжает угрожать человечеству. Смертность от оспы среди вакцинированных пациентов составляет 3 %, среди невакцинированных – 30 %. Оспа влияла на судьбу народов и ход истории, тормозила экономическое и культурное развитие стран и регионов, была причиной гибели многих развитых цивилизаций. Последний случай заболеваний был зарегистрирован в 1977 г. в Сомали.

Если рассматривать обозримую перспективу – 10-20 лет, то значительная часть населения Земли все еще вакцинирована от оспы. Это значительно облегчает проведение противоэпидемических мероприятий и упрощает раннюю диагностику. Однако в силу того, что вакцинация может сопровождаться побочными эффектами (например, при иммунодефицитных состояниях), существует необходимость разработки осповакцины нового поколения. Это не потеряло актуальность еще и потому, что в мире существует оспа обезьян, способная поражать людей.

Биологический терроризм, как и другие виды терроризма с применением оружия массового поражения, не получил широкого распространения в современном мире, однако, последние десятилетия XX и начало XXI вв. охарактеризовались увеличением попыток его применения негосударственными экстремистскими организациями. В тоже время исторические источники содержат множество фактов применения биологических поражающих веществ, преимущественно в военных целях².

¹ Investigation of Bioterrorism-Related Anthrax and Adverse Event From Antimicrobial Prophylaxis // The J. of the American Medical Association. 2001. Vol. 286. P. 2536-2537.

² Противодействие биологическому терроризму / под ред. Г. Г. Онищенко. М.: Петит – А, 2013.

Однако, по мнению экспертов, опасность биотерроризма заключается также в расширении спектра потенциальных биологических агентов, виды и формы которых могут быть непредсказуемыми. Существует вероятность, что террористы воспользуются микроорганизмами, которые ранее не рассматривались как биологическое оружие, либо не отвечали требованиям классического оружия. В этой связи необходимо периодически пересматривать списки опасных биологических агентов, с целью их дополнений.

Еще одна проблема, о которой хотелось бы напомнить – это объем и разнообразие информации, доступной в Интернете, которая становится практически безграничной и зачастую бесконтрольной. Это относится не столько к закрытой информации, сколько к размещению на сайтах данных, явно провоцирующих на противоправные действия.

Нет сомнения в том, что для предотвращения масштабных терактов огромную роль играет недоступность определенного круга знаний технологий и материалов для потенциальных злоумышленников.

Здесь, на мой взгляд, имеется большое поле деятельности для правоохранительных органов, как нашего государства, так и силовых структур многих заинтересованных стран, для которых вопросы национальной безопасности являются первостепенными.

В заключение следует отметить, что исследования в направлении выявления и уничтожения штаммов возбудителей особо опасных инфекций, которые, попав в руки террористов, могут представлять собой серьезную угрозу, – одна из первостепенных задач. Это проблема не только государственного, но и международного уровня.

В связи с географической близостью к источникам терроризма, России и другим странам Европы настоятельно необходимо незамедлительно начать сотрудничество в данном направлении.

Ключевым элементом в укреплении борьбы с международным биотерроризмом должна стать разработка общих мировых стандартов по безопасности и защите.

Следует также затронуть **проблему дефицита водных ресурсов.**

На первый взгляд данная проблема далека от проблем терроризма, однако, все не так просто.

Пока все мировое внимание сфокусировано на ценах на нефть и другие энергоносители, именно вода по-прежнему остается и может стать еще более важным фактором региональной нестабильности и причиной конфликтов.

В начале 2008 г. Международный институт управления водой сделал заявление о том, что дефицит воды в мире нарастает быстрее, чем ожидалось.

К 2010 году дефицит воды во многих развивающихся странах признается одной из серьезнейших политических и социальных проблем эпохи.

Всемирный совет предпринимателей по устойчивому развитию огласил прогноз, в соответствии с которым водные конфликты уже к 2015 году станут обычными во многих странах. В целом же в этот период в связи с нехваткой воды прогнозируется рост общественных беспорядков, активизация миграционных процессов.

30 января на ежегодном экономическом форуме в Давосе Швейцарии был опубликован актуальный доклад: нашему миру предстоит угроза кризиса «водное банкротство» – в предстоящие 20 лет конкуренция человечества в сфере водных ресурсов ожесточится. Ожидается резкое увеличение спроса на водные ресурсы в разных энергетических отраслях.

Например, в США рост достигнет 165 %, в ЕС – 130 %. Это создает серьезную угрозу сельскому хозяйству, кроме того, вода будет по цене дороже, чем нефть.

За последние 50 лет произошло не менее 40 межгосударственных споров из-за водных ресурсов, в ходе которых применялось вооруженное насилие. Вода становится не только товаром, но и средством социального и даже политического контроля.

По прогнозам многих экспертов, уже в ближайшие 20-25 лет проблема пресной воды станет глобальной и на смену нынешним войнам за углеводороды придут войны за воду. Некоторые из этих войн фактически уже идут. Достаточно оценить состояние и перспективы межгосударственных конфликтов в ряде регионов мира.

Один из примеров: известно, что границы, существующие на картах Ближнего Востока и Северной Африки, в значительной степени являются результатом непрерывных конфликтов из-за воды, перемирий и планов мирного урегулирования.

К числу главных конфликтов, связанных с распределением воды в этих регионах, следует отнести:

- конфликт между Турцией и Сирией (из-за рек Тигр и Евфрат);
- конфликт между Египтом, Суданом и Эфиопией (из-за реки Нил);
- конфликт между Израилем, Палестинской Автономией и Иорданией (из-за бассейна реки Иордан).

В ближайшем будущем сочетание политической борьбы, чрезмерной эксплуатации природных ресурсов, а также их загрязнение может сделать нехватку пресной воды предпосылкой для увеличения напряженности в этом регионе. В свое время покойный король Иордании Хусейн утверждал, что «...единственный вопрос, который ввергнет Иорданию в войну, – это вода». Того же мнения придерживается и бывший генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос Гали, утверждающий, что «следующая война на Ближнем Востоке будет за воду».

Поскольку сегодня качество водных ресурсов ухудшается, а спрос на воду увеличивается, конкуренция среди потребителей водных ресурсов постепенно усиливается. Такая ситуация оказывает наибольшее дестабилизирующее влияние на развитие территорий, находящихся в бассейнах рек, которые пересекают государственные границы.

Речь пойдет о трансграничных реках на нашей территории и территории государств СНГ.

Проблема водопользования в верхнем течении Иртыша пока не приняла столь острые формы, как на Ближнем Востоке или в Кашмире, но также осложняет отношения между странами-соседями. Исток Иртыша расположен на территории Китая, затем река течет по территории Казахстана и России. В конце 90-х годов власти Китая объявили о планах строительства канала в верховьях Иртыша для орошения испытывающих острую нехватку воды земель в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Казахские ученые быстро подсчитали, что после отвода вод на нужды орошения к 2020 году русло Иртыша на всей территории Казахстана и вплоть до Омска, где в него впадает река Омь, может превратиться в цепь болот и стоячих озер. А это будет иметь катастрофические последствия для экономики и экологии не только Казахстана, но и российских областей Западной Сибири.

Особую тревогу вызывает ситуация, сложившаяся на территории СНГ.

Международное внимание к Центральной Азии сосредоточено на ее нефтяных и газовых запасах и ее роли в войне с терроризмом. В то же время регион является родиной нескольких давних водных споров, которые имеют все шансы стать причиной дестабилизации обстановки в регионе.

Хотя Центральная Азия и богата водными ресурсами, более 90 % их объема сконцентрированы в Кыргызстане и Таджикистане, где протекают две главные реки региона – Сырдарья и Амударья.

В то же время, Узбекистан и Казахстан являются главными потребителями воды в регионе, причем на долю Узбекистана приходится более половины потребляемых водных ресурсов. Кыргызстан и Таджикистан контролируют водные ресурсы, которые требуются для других государств Центральной Азии. Однако государства, в которых находятся верховья рек, рассматривают воду как стратегический товар, поскольку они бедны другими ресурсами и используют воду для производства электроэнергии для собственных нужд.

По оценкам специалистов за последние 60 лет площадь ледников Таджикистана уменьшилась на 30 %; Кыргызстан за последние 40 лет потерял около тысячи высокогорных ледников (-14 %).

В 2008 году дефицит воды в среднем по бассейнам рек Амударьи и Сырдарьи составил 25 %, что, по мнению специалистов, привело к потере 35 % урожая.

Несомненно, эти обстоятельства усугубляют не только экономическую, но и социальную составляющую процессов развития государств Центральной Азии.

Разорение личных хозяйств, вынужденный запрет на посевы риса, угроза голода и распространения эпидемий, вынужденная миграция, рост межэтнической напряженности – вот результат отложенных решений проблемы нехватки воды. Все это прямо влияет и на конфликтность в межгосударственных отношениях.

Не менее тревожно с точки зрения влияния на стабильность социальной и экономической ситуации выглядит экологическая катастрофа Аральского моря. Рост потребления воды в регионе уменьшил уровень воды в Аральском море, которое питает Сырдарья и водные системы реки Амударья. За последние 10 лет Арал потерял 80 % своего объема, соленость воды возросла в 12 раз. Прекращены традиционные виды промысла для населения и орошение сельскохозяйственных земель.

Что касается **миграционных процессов**, то негативные последствия, экономические и социальные, будут сказываться, прежде всего, на России.

Как известно, нелегальные мигранты подрывают не только экономику нашего государства, но и сферы ее безопасности. Тяготы этих последствий несут, в том числе, и правоохранительные органы.

Другой источник дестабилизации – отсутствие соглашения по правовому статусу Каспийского моря между пятью прибрежными государствами (Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия и Туркмения).

Каспийское море – самый большой в мире внутренний водный объект. Море богато как осетром, источником для производства икры, как и запасами углеводородов. Общий объем нефтяных запасов (разведанных и возможных) составляет 235,7 миллиардов баррелей, а газовых запасов (разведанных и возможных) – 560 триллионов кубических футов, согласно информации Энергетической Информационной Администрации США.

До краха Советского Союза Каспийское море было поделено между Ираном и Советским Союзом на основе Договора о дружбе 1921 года и Соглашения о Торговле и Навигации 1940 года.

Но некоторые проблемы остались нерешенными, например, защита окружающей среды и развитие ресурсов морского дна.

Также не была достигнута договоренность о том, считать ли Каспий морем или озером.

В одном случае это привело бы к равному разделу Каспия, согласно Морской Конвенции ООН, в другом – к использованию механизма совладения.

После краха Советского Союза шесть прибрежных государств определили свои позиции по статусу Каспийского моря, отличные друг от друга и откорректированные с учетом растущей важности энергоресурсов в регионе.

Примечательно, что Россия, Казахстан и Азербайджан одобрили разделение водной поверхности и морского дна, основанного на принципе «срединной линии», которое было отклонено Ираном и Туркменией.

Кроме того, Россия одобрила двусторонний «поэтапный» подход к решению спора, в то время как Иран предпочел вариант многостороннего совладения, по которому все пять прибрежных государств договариваются о совместном развитии ресурсов морского дна, совместном освоении или справедливом разделе акватории моря.

При дележе моря, используя принцип срединной линии, дно было бы распределено между Казахстаном, Азербайджаном, Россией, Туркменией и Ираном, они получили бы 28, 21, 19, 18 и 14 %, соответственно; если же был бы принят принцип совладения, поддерживаемый Ираном, каждое государство получило бы по 20 % морского дна.

В будущем напряженность будет лишь повышаться, превращая регион в глобальную энергетическую горячую точку.

Таким образом, Центральная Азия оказывается регионом, в котором борьба за воду будет проходить наиболее остро.

Хочется отметить, что еще в июне 2008 г. в столице Таджикистана Душанбе состоялась Международная конференция по сокращению стихийных бедствий, связанных с водой. Основной тезис конференции: вода, точнее ее нехватка, – повод для конфликтов, в том числе для всплеска террористической активности.

Действительно, на фоне терактов, распространения ядерного оружия, роста наркотрафика легко потерять важнейшие императивы безопасности человека, включая связанные с водой.

На фоне грядущего мирового продовольственного кризиса такая ситуация объективно приведет к кумулятивному эффекту. **Цена дефицита воды – общественные беспорядки, массовая миграция и экономический крах.** Создаются все предпосылки для стихийных и управляемых конфликтов, как внутри государств Центральной Азии, так и между ними. Соблазн передела ресурсов неизбежно спровоцирует обострение давних споров и конфликтов – территориальных, этнических и религиозных.

Государства могут реально оказаться на грани войны террористическими средствами или даже настоящей локальной войны. Фактор этнических общин, проживающих в приграничных территориях, может также сыграть свою роль в обострении национально-этнических и религиозных противоречий, в основе которых находятся неурегулированные экономические проблемы. В результате мы можем столкнуться с волной экономически обусловленного сепаратизма.

Подводя итоги сказанному, хочется отметить тот факт, что мировое сообщество все чаще стало рассматривать терроризм, как новую форму войны, что явно подтверждается расширяющейся географией активности этого явления и изменяющимися формами его проявления.

§ 2. Социально-экономические аспекты исламского терроризма

Появление Исламского государства Ирака и Леванта (Левант, в узком смысле слова, включает Сирию и Ливан) для мировой общественности стало полной неожиданностью.

Позже оно сменило название не Исламское государство («ИГ»). И когда неправдоподобно быстро в рамках этого «государства» оказалась обширная территория Сирии и особенно Ирака, то сразу же возникло много вопросов.

Куда уходят его корни? Какая у него идеология и стратегическая цель? Откуда человеческий ресурс? Где оно берет деньги? Откуда оружие? Почему его базой стали Ирак и Сирия?

Появление «ИГ» – это «весомый вклад» в международный терроризм, который мировым сообществом считается одной из наиболее значимых угроз современности.

Для анализа и глубокого понимания социально-экономических предпосылок формирования Исламского государства необходимо обратиться к истории.

В период противостояния СССР и США среди стран социалистической ориентации числились Египет, Сирия и Ирак. Между этими странами наблюдались более-менее тесные связи в области экономики, геополитики, идеологии. В дальнейшем на волне подъема арабского национализма Египет в 1958 году объединился с Сирией и государство стало называться Объединенная Арабская республика (ОАР). И хотя Сирия, недовольная условиями союза, уже в 1961 году из него вышла, Египет вернулся собственному названию только в 1971 году. Это произошло вскоре после смерти президента Гамаль Абдель Насера (1970 г.), который был кумиром для арабских националистов, а египетская антимонархическая революция 1952 года стала предтечей революций с целым рядом стран. Пришедший ему на смену Анвар Садат, в отличие от своего предшественника, не питал иллюзий как насчет возможности объединения разноликого арабского мира, так и относительно социалистического будущего страны, и взял курс на сближение с США и достижение мира с Израилем. За это он был объявлен предателем в радикальных кругах арабских стран, после чего утратил авторитет в странах «социалистического лагеря» и погиб в 1981 году в результате теракта, организованного исламистами (одной из боевых групп «Братьев-мусульман», под названием «Аль-Джихад»).

Что же касается Ирака и Сирии, то их отношения, говоря фигурально, строились по марксистскому (или гегелевскому) закону единства и борьбы противоположностей.

Сирийцы христианин Мишель Афляк, суннит Салах Битар при активном содействии алавитов Акрама Хаурани образовали общеарабскую партию, в 1954 году получившую название БААС («Возрождение»), в рус-

ской аббревиатуре ПАСВ – Партия арабского социалистического возрождения. Она создала свои отделения в ряде арабских стран, в Сирии пришла к власти в 1963 году, в Ираке – в 1968 году. Хотя в какой-то момент эти страны хотели объединиться, но по большей части они враждовали. Тем не менее, режимы имели светский характер, их идеологией был арабский социализм, в котором социалистические элементы сочетались с панарабизмом и антиимпериализмом. Религиозные общины в лице суннитов и шиитов были в обеих странах, но то, насколько они были представлены во власти, вооруженных силах и бизнесе, до поры до времени не выходило на поверхность политической жизни в Ираке. В этой стране ведущую роль в жизни общества и соответственно во власти, в вооруженных силах и бизнесе традиционно играли сунниты, живущие преимущественно в северо-западных районах и составляющие около 30 % населения. (Считается, что доминирование суннитов в Ираке берет корни еще в XV веке, когда страна была завоевана оттоманами-суннитами.) Шииты же составляют более 60 % населения и живут в основном на юго-востоке страны, в том числе в пограничных районах с Ираном, в котором шиизм является господствующей религией.

Фактически единолично правивший Ираком с 1979 по 2003 год Саддам Хусейн отличался крайней жестокостью и шел к руководству страной, что называется, по трупам.

После захвата партией БААС власти президентом стал генерал Ахмед Хасан Бакр. Саддам Хусейн с его необыкновенной работоспособностью, коварством и упорством в достижении цели, планомерно продвигался к руководящим постам в партии, установил контроль над спецслужбами и стал играть важную роль в политике государства. При правлении А.Х. Бакра были проведены многие прогрессивные преобразования в социально-экономической и культурной сфере, в области медицины и т. д. Строились дороги, промышленные предприятия и т. д. За счет больших доходов от нефти значительно повысился жизненный уровень иракцев. Были установлены дружественные отношения и широкое сотрудничество с Советским Союзом.

Складывались все предпосылки к тому, чтобы Ирак стал одной из новых индустриальных стран. Но в 1979 году произошла шиитская революция в Иране, появилось брожение в шиитских районах Ирака, куда проникали иранские пропагандисты, активизировалась борьба за независимость курдов. В этой обстановке возникли разногласия в иракском руководстве, которые закончились 11 июля 1979 года дворцовым переворотом, уходом с поста Бакра и приходом к власти Саддама Хусейна. А дальше начались карательные операции против курдов с применением химического оружия, репрессии против нелояльных шиитов и войной с Ираном, продолжавшейся с 1980 по 1988 год.

Кстати, США, оказавшись в острой конфронтации с режимом Хомейни, подталкивали Саддама к этой войне и, как говорят, даже негласно помогали Багдаду оружием.

Война с Ираном потребовала немалых расходов, Ирак влез в большие долги, и Хусейн решил их погасить за счет богатого нефтью соседнего Кувейта, который был оккупирован иракской армией и объявлен 19-й провинцией Ирака. (Объяснялось это тем, что Кувейт когда-то принадлежал Ираку.) В мире не согласились с таким поворотом событий, и ООН потребовала от Хусейна немедленно вывести войска из Кувейта. Лично хорошо знавший Саддама Евгений Примаков, по поручению советского руководства, с ним встречался, пытаясь убедить его не доводить дело до войны. Однако знавший собственную страну, но имевший слабое представление о расстановке сил в мире Хусейн был уверен, что войска коалиции государств во главе США не смогут одержать верх над хорошо вооруженной миллионной армией Ирака. В военной операции, названной «Буря в пустыне», Ирак потерпел сокрушительное поражение, ООН наложила на него санкции, экспорт нефти был крайне ограничен, и саддамовский режим оказался в тяжелом положении. Но Ирак – богатая природными ресурсами страна и народ не голодал. Тем более что ООН приняла программу «Нефть в обмен на продовольствие», по которой Ирак экспортировал нефть и взамен импортировал продовольствие.

Что же касается Сирии, там ситуация складывалась по-другому. Сунниты составляют не менее 60 % населения, а около 40 % – этноконфессиональные меньшинства: алавиты, курды, друзы, исмаилиты, христиане и др.

Алавиты, которых ортодоксальные сунниты считали сектой, не идентифицировали себя как мусульмане и находились на нижних ступенях социальной лестницы, в то время как высшие ступени занимали представители суннитских кланов. В религиозной доктрине алавитов ислам сочетается с элементами древних культов и христианством, поэтому «правовверные» мусульмане к алавитам относятся неоднозначно.

Алавиты, в отличие от традиционных мусульман используют в ритуале вино, почитают Иисуса Христа, отмечают христианские праздники Рождество и Пасху, считают священной книгой Евангелие, часто носят христианские имена, не имели мечетей и молились в молитвенных домах и проч. А с шиизмом их связывает почитание Али, которого они считают подлинным преемником Пророка, при этом алавиты отличаются веротерпимостью.

Сунниты же вообще не считали службу в армии престижной и не стремились в ней служить. Со своей стороны, колониальная держава, которой после распада Османской империи стала Франция, до получения Сирией независимости в 1946 году предпочитала вербовать в силовые структуры представителей национальных меньшинств и в первую очередь

алавитов. В итоге ключевые посты в армии оказались в руках алавитов, составляющих, по разным оценкам, от 10 до 16 % населения страны. Они же, алавиты, стали и костяком партии БААС.

Но и после прихода баасистов к власти политическая ситуация в стране была неустойчивой, пока в 1970 году в результате военного переворота к власти не пришел Хафез Асад, отец нынешнего президента Башара Асада. И поскольку в конституции Сирии записано, что главой государства может быть только мусульманин, то алавиты объявили себя шиитской ветвью ислама, и в алавитских поселениях стали строиться мечети.

Однако и Хафез Асад столкнулся с активизацией исламских экстремистов во главе с «братьями-мусульманами» (создавшими свою общину еще в 1937 году), которые на рубеже 1980-х годов в борьбе против «неверных» во власти развернули террористическую деятельность по всей стране. С особой жестокостью они убивали курсантов военных училищ, членов партии БААС и т. д.

Ответ Асада был решительным и беспощадным. Город Хама, в котором исламисты в 1982 году подняли вооруженный мятеж, фактически был стерт с лица земли. Тотальная борьба властей с «братьями-мусульманами» привела к их исчезновению с политической арены.

Многие западные аналитики считали такие действия сирийских властей недопустимо жестокими. Но никто не знает, как бы поступили с «неверными» те, кто захватил бы власть в Сирии. Приведу слова известного арабиста Георгия Мирского, который дает характеристику тем, кто поднял мятеж в Сирии. В суннитском исламе, говорит он, есть течение, называемое «ваххабизмом» (иногда его называют «салафизмом»), носители которого отличаются крайней нетерпимостью к «чужим» и необыкновенной жестокостью. Они «совершали зверства в Афганистане, а сейчас зверствуют в Сирии в борьбе с режимом Башара Асада и уничтожают в Ираке шиитов, курдов, езидов и христиан.

Но, так или иначе, Сирия получила мир на 30 лет, в течение которых много было сделано для развития страны. При этом нельзя сказать, что алавиты правили единолично. Во всех структурах, как военных, так и партийных, они не были в большинстве, кроме, пожалуй, спецслужб. Одно время президентом Сирии был курд, а премьером – суннит.

В то же время нельзя сказать, что только конфессиональный фактор привел к гражданской войне в Сирии. За несколько лет до начала «арабской весны» Сирию поразила тяжелая засуха, причем она больше всего ударила по районам проживания суннитов. В два раза уменьшился сток воды в Евфрате после того, как Турция построила плотину и мощную ГЭС «Ататюрк». Стали истощаться запасы подземных вод. Лишившиеся источников существования крестьяне стали стекаться в города, притом, что Сирия приняла много беженцев из соседних стран, не считая палестинцев. Оказалась рискованной и политика поощрения рождаемости, в результате

которой население увеличилось с 5 млн человек в 1963 году до 22,5 млн на начало 2013 года. Резко выросла безработица, в том числе среди образованной молодежи, которая, как известно, инициировала волнения в большинстве стран так называемой арабской весны. Демонстрационный эффект в информационную эпоху, если перефразировать слова Ленина, может стать материальной силой.

Говоря о роли образования, нельзя не отметить следующий интересный по нашему мнению факт: движущей силой «цветных революций» и «арабской весны» становились люди, получившие образование в США и обладающие, мягко говоря, искаженным представлением о истории родной страны и ее роли на мировой арене, но убежденными в роли США как «гаранта демократических ценностей» и по большому счету «дирижера на мировой арене».

Захваченные идеями западной демократии, молодые люди наивно полагали, что она может прижиться на почве стран иного уровня общественного развития, иной истории и культуры.

В то же время историческое невежество – застарелая болезнь властных кругов Запада и в первую очередь США

То, что американцы в массе своей слабы в истории уже давно является притчей во языцех. В СМИ часто приводились примеры, как школьники старших классов путались в самых элементарных исторических фактах. Но, по крайней мере, элита-то должна знать мировую историю! Но знает ли? Многие помнят, как президент Рейган называл Ленина Николаем. Образованный человек должен знать, что страны мира находятся на разных ступенях общественного и культурного развития и соответственно имеют тот политический режим и ту власть, которая исторически и логически сформировалась в данном обществе.

При этом самое время вспомнить тезис Гегеля, о том, «что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно».

Если обратиться к истории, то на определенном этапе странах Европы и, в частности, в достаточно цивилизованной Франции господствовал абсолютизм, и, наверное, на тот период истории страны это было разумно. Но была также Священная Инквизиция, деятельность которой во Франции сохранялась до XIX века.

С этой точки зрения, разумно ли навязывать странам, в которых еще не изжиты родоплеменные отношения, западную модель демократии и, вообще, вмешиваться в естественный для них ход развития? Ведь демократия как институт и ценность предполагает улучшение, а не ухудшение качества жизни людей. Предполагает гуманизацию общественных отношений, а не раздувание вражды между людьми вплоть до кровавых междоусобных и межконфессиональных войн.

Конечно же нельзя однозначно оценивать роль Саддама Хусейна – наряду с высоким уровнем экономического развития существовали и ре-

прессии, и господство суннитского меньшинства над шиитским большинством.

Но когда американцы навязали Ираку новый порядок и «демократические ценности», почему-то жизнь большинства иракцев превратилась в сплошной кошмар, если не сказать, в ад, и «люди с улицы» рассказывают российским журналистам, что им несравнимо лучше жилось при Саддаме, чем ныне, когда в опасности находится сама жизнь.

Как и следовало ожидать, американская оккупация вызвала сопротивление в иракском обществе, и прежде всего со стороны суннитских радикальных элементов. Исламист Абу Масаб Заркави сформировал в Ираке «Аль-Каиду», а после его смерти в 2006 году эта организация трансформировалась в «Исламское государство Ирака» (ИГИ).

В 2010 году ее новый лидер Абу Бакр Багдади солидаризировался с исламистами, воюющими против Башара Асада, и в 2013 году создал «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). В первой половине 2014 года ИГИЛ установило контроль над десятками иракских городов и поселков, захватило нефтеносные районы и объявило о создании халифата, сменив при этом название на «Исламское государство» (ИГ).

Несмотря на длительный период правления шиитского большинства, шииты имеют слабый опыт государственного управления и военного строительства и за десять лет не смогли создать боеспособную армию. При встрече с джихадистами бойцы иракской армии нередко тут же отступали или разбегались, оставляя боевую технику врагу.

И ситуация в Сирии западным либералам казалась нетерпимой, поскольку представители этноконфессионального меньшинства отец и сын Асады бессменно правили несколько десятков лет при однопартийной системе и в условиях чрезвычайного положения. Справедливость требует сказать, что такое положение конечно же не нравилось многим сирийцам. И когда волна «арабской весны» дошла до Сирии и возникло оппозиционное движение режиму, то на его сторону стали переходить многие из тех, кто еще недавно был в рядах сторонников президента, включая офицеров и даже генералов. Именно они составили костяк светской Сирийской свободной армии. Но, как говорится, дьявол прячется в деталях. Стоило начаться вооруженному противостоянию режиму Асада, как в Сирию со всех сторон потянулись исламисты, включая террористов, экстремистов и наемников, прежде всего из рядов суннитов, которые составляют 90 % исламской общины. Притом что во время ирано-иракской войны Сирия была единственной арабской страной, которая поддерживала сторону Ирана. (Многие аналитики считали это просчетом Х. Асада, однако когда режим Башара Асада был на грани поражения, то помощь пришла из Ирана и шиитов Ливана – «Хезболлы»). В итоге Башар Асад сумел добиться передела в гражданской войне, но исламисты не исчезли бесследно. С одной

стороны, они сумели сохранить свои базы в Сирии, а с другой – стали вливаться в ряды боевиков «ИГ».

Таким образом, исламисты Ирака, в том числе и сторонники Саддама Хусейна, с одной стороны, и многочисленные отряды исламистов, боровшихся против режима Башара Асада, с другой – и есть армия новоявленного исламского халифата во главе с Багдади, назвавшего себя «халифом всех мусульман». («Халиф» называет и районы в Ираке и Сирии, которые должны войти в состав «халифата».) И эта армия постоянно пополняется (как говорят западные источники, по тысяче каждый месяц) прежде всего из мусульманских стран, в том числе из Ливии (в которой после устранения от власти Муамара Каддафи победила не демократия, а война всех против всех), из Египта после того, как военные отстранили от власти исламистов.

Свою «квоту» исламистов дает и Запад. И, что удивительно, в их числе немало коренных европейцев и белых американцев, включая женщин и даже молоденьких девушек.

При этом эксперты утверждают, что «ИГ» – самая богатая террористическая организация. Она торгует нефтью с захваченных нефтепромыслов, «облагает налогом» бизнес, грабит банки и имущество, торгует людьми, получает помощь от частных лиц некоторых богатых нефтью арабских стран и т. д.

Те, кто стремится насаждать демократию в чужих странах, часто не знают, как шло ее становление в собственных странах

Для многих ученых долгое время было загадкой, почему американцы, имея такие глубокие традиции демократии и мощный интеллектуальный потенциал, так упрощенно представляют себе развитие демократии в странах иного, скажем так, низкого уровня социально-экономического и общественного развития, или иной культуры (например, мусульманской).

По их мнению, сказывается инерция многолетнего противоборства двух общественных систем, когда Советский Союз стремился укрепить свое влияние в мире за счет распространения идеи социализма, если не коммунизма, а США стремились к тому же, но за счет распространения идеи демократии. К тому же в Америке, общество которой формировалось из переселенцев, не было титульной нации (не считая и индейцев, частично истребленных, частично загнанных в резервации), не было царей, королей, знати и т. д. Поэтому переселенцы, большинство которых в то время составляли выходцы из Англии (где уже пустила корни пусть еще и ограниченная рамками верхушки общества демократия), смогли выработать в целом демократическую конституцию (1787 г.) еще на сравнительно низком уровне развития большинства штатов. Потом в нее вносились поправки, расширявшие права и свободы граждан, например, «Билль о правах» (1791 г.), до принятия которого за критику власти людей сажали в тюрьму. Наконец, не секрет, что американцы, если так можно сказать, «американо-

центричны», большинство из них мало интересуется внешним миром и плохо его знает.

А что же касается деятелей Европейского союза и, в частности, Совета Европы, которые так радостно приветствовали «арабскую весну», а правительства стран ЕС нередко и помогали повстанцам, то, по мнению многих специалистов, они не только плохо знают мусульманский мир, но и не помнят историю установления демократии в их собственных странах.

В Англии еще в 1215 году была принята так называемая Великая хартия вольностей, которая ограничивала права короля и давала некоторые привилегии верхушке общества и городам. Победа сторонников парламента над войсками короля в ходе Великой английской революции (1642-1649 годы) расширила права парламента и, тем не менее, еще около двухсот лет демократия была ограниченной имущественным, образовательным и другими цензами. Так, в XIX веке правом избирать и быть избранным в парламент пользовалось менее 10 % взрослого населения. Женщины же вообще были лишены права голоса, а например, в Швейцарии они получили такое право лишь в 1959 году.

Таким образом, явление «Исламского государства» – это примерно такое же ультрарадикальное террористическое течение, как и «Аль-Каида», прикрывающееся исламом, но на деле ничего общего не имеет с его гуманистической сущностью.

С той только разницей, что «Аль-Каида» ставит своей конечной целью свержение светских режимов и создание «Великого исламского халифата» во всех странах мусульманской конфессии, а «Исламское Государство» уже поставило в повестку дня задачу создания халифата на территории Ирака и Сирии. Никакой новой идеи не имеет ни то, ни другое, поскольку этого и не требует возврат к средневековому халифату, в котором жизнь человека четко прописана от рождения до смерти.

Ультрарадикальные и террористические течения в мусульманском мире порождены как глобальными, так и местными причинами. К первым можно отнести резкую смену миропорядка, крах целого ряда политических режимов, социальных систем, дискредитацию светских объединяющих обществу идей (панарабизм, арабский социализм и т. д.). Сюда же надо включить и негативное воздействие на многие развивающиеся страны мирового финансово-экономического кризиса. А еще и далеко зашедшую деградацию вековых норм семейных и гендерных отношений в странах Запада, когда гомосексуализм и однополые браки становятся чуть ли не нормой жизни, что для мусульманских стран абсолютно неприемлемо.

Что касается местных причин, то это в первую очередь нищета, безработица, коррупция, произвол властей, ущемление этноконфессиональных чувств и интересов.

Если говорить конкретно об «Исламском государстве», то это то зло, которое угрожает едва ли не всем странам. Америке и Европе, в которых

много выходцев из мусульманских стран, России, в которой примерно 20 % населения принадлежит к исламской культуре, самим мусульманским странам. В частности, в межконфессиональной войне, развязанной исламистами в Ираке, уже погибли многие тысячи иракцев. И в этом большая вина бывшего премьер-министра шиита Нури аль-Малики, антисуннитская политика которого привела к тому, что ряд суннитских племен перешли на сторону «Исламского государства» и тем самым облегчили продвижение джихадистов вглубь территории Ирака. Провозглашенная новым премьером Хейдаром аль-Абади политика опоры на все основные этноконфессиональные группы населения, увольнение из армии многих дискредитировавших себя генералов и высших офицеров, возможно, позитивно скажется на борьбе иракской армии с «Исламским государством».

Что касается нашей страны, то опасность проникновения агентов «Исламского государства» в некоторые регионы вполне реальна, и тут, как и в борьбе с болезнью, лучше профилактика, чем лечение запущенной формы.

По мнению экспертов, источником финансирования группировки являются доходы от криминальной деятельности её членов (в основном грабежей, выкупов, полученных после взятия заложников и т. д.). После ограбления банков в крупных иракских городах финансовый потенциал Исламского государства значительно увеличился. По оценкам экспертов, бюджет организации сейчас может достигать 7 млрд долл.

Только из банков Мосула была изъята наличность на сумму 500 млн долл. В частности, в Мосуле в июне 2014 года боевики ИГИЛ ограбили филиал Центрального банка Ирака, присвоив, по разным оценкам, от 900 млн до 2 млрд долл. Кроме того, террористы получают финансовую помощь от частных инвесторов из стран Персидского залива, в частности из Кувейта и Саудовской Аравии, поддерживающих войну с режимом Башара Асада. Член иранского парламента Мохаммад Салех Джокар утверждает, что ИГИЛ получила финансовую помощь (в том числе от Саудовской Аравии) в объёме 4 млрд долларов на ведение террористической деятельности в Ираке. Халифат ИГИЛ торгует нефтью Ирака и Сирии на чёрном рынке (со скидкой), зарабатывая от \$ 25 до \$ 60 за баррель, получая около \$ 3 млн в день.

24 ноября 2014 года на заседании Контртеррористического комитета ООН сообщили, что за 2013 год «Исламское государство» стало одним из лидеров по финансовой выручке от захвата заложников – \$ 45 млн. По оценке израильского издания журнала Forbes, общий бюджет организации сравним с бюджетом крупной корпорации и составляет около \$ 2 млрд. Основным источником поступлений в бюджет террористической организации стали доходы от продажи нефти (в руках организации находятся несколько крупных нефтяных месторождений и нефтеперерабатывающих за-

водов в Ираке и Сирии), также террористы захватили сотни миллионов долларов в банках занятых ими городов.

18 февраля 2015 года представитель Ирака в ООН Мухаммад аль-Хаким заявил о том, что «Исламское государство» убивает людей, чтобы продавать их внутренние органы. По его словам в братских могилах жертв «Исламского государства» были обнаружены тела людей со следами хирургических операций. У этих людей отсутствовали почки и другие внутренние органы. Также он заявил о том, что в Мосуле сторонники «Исламского государства» убили несколько десятков врачей за отказ от участия в операциях по изъятию органов для последующей продажи.

Также ИГИЛ получает доход от транзита наркотиков. По данным главы ФСКН Виктора Иванова, ежегодный доход ИГИЛ от транзита афганского героина в Европу составляет до миллиарда долларов.

ИГИЛ начал чеканить собственную «валюту» – исламский динар. Заявлено, что курс динара составляет 139 долларов США.

§ 3. Социально-экономические аспекты западного радикализма

Вместе с тем, несмотря на значительный «вклад» исламского терроризма нельзя игнорировать тот факт, что значительный опыт создания и финансирования террористических организаций имеется и у западных «коллег» – «Железная гвардия» в Румынии, «Стрела и крест» в Венгрии, «ушташи» в Хорватии или «четники» в Сербии, организация басков «ЭТА», ИРА – Ирландская республиканская армия, и даже американский «Ку-клукс-клан (ККК)» или японская «Аум Сенрике».

Все эти террористические организации, несмотря на разноликость и этническую принадлежность, имеют много общего:

- разветвленную тайную структуру;
- наличие стабильного финансирования;
- наличие собственной разведки, контрразведки, отделов пропаганды и работы с молодежью;
- наличие собственной идеологии, объясняющей с различных позиций идеологию превосходства собственной нации.

Кроме того, как показывает опыт, представители различных террористических организаций способны кооперироваться в рамках конкретной задачи. Например, еще в годы Великой отечественной войны в состав СС входили дивизии «Галичина», состоявшая из этнических украинцев, «Валлония», состоявшая из бельгийцев, «Викинг» – из жителей Скандинавии, не говоря уже о таких формированиях, как УНА-УПА, РОА, «Власовцы», «Туркестанские батальоны», «Лесные братья» и прочие «хинди» – так называли немцы комбатантов негерманского происхождения, воевавших на стороне Германии.

В настоящее время известно, что в составе Вооруженных сил Украины (ВСУ) помимо американских военных инструкторов, воюют представители Польши, Германии, Прибалтики, Чечни, причем многие из них придерживаются ультрарадикальных взглядов и воюют в составе так называемых «батальонов национальной гвардии», которые с недавнего времени вошли в ВСУ.

На примере ближайшей с Запада к России страны – Украине, с которой к тому же Россию исторически связывают многие социально-экономические и геополитические факторы попробуем рассмотреть проблему социально-экономической дестабилизации и хомодеструктивного воздействия на человека и общество.

На сегодня многие исследователи проводят параллели с сегодняшней ситуацией на Украине, вот лишь немногие из «общих мест»:

- 1) марионеточный характер правительства;
- 2) геноцид против собственного населения, включая этнических украинцев;

3) фальсификация истории (например, придумана мифическая народность «укров», Россия представлена исключительно агрессором, при этом умышленно забыто исконное название Украины в Российской империи «Малороссия», в самой этимологии которого как минимум указано на равноправие Украины в составе Российской империи);

4) активное использование агрессивной пропаганды;

5) финансирование, осуществляемое из-за рубежа;

6) упор на террористические действия как основную тактику и стратегию внутренней политики;

7) активная эксплуатация образа врага (в данном случае России) и т. д.

Что же касается последнего пункта, то он представляется логически обоснованным, т. к. эксплуатация образа врага, нагнетание массовой истерии позволит отвлечь украинский народ от собственных проблем (роста безработицы, развала промышленности, передела собственности и беспредела легализованных силовых структур, состоящих из авантюристов, уголовников и иностранных наемников), и, что совсем немаловажно, от определения и выявления лиц, виновных в происходящем хаосе.

Для более полного рассмотрения социально-экономических аспектов западного радикализма на примере Украины отобразим тенденции ее социально-экономического развития в предкризисный (до 2014 года включительно) период.

Мы являемся свидетелями непростых, весьма тревожных событий, происходящих сейчас на Украине, где социально-экономический кризис перерос в острейший внутривластный конфликт. Ситуация резко усугубилась политическим вмешательством извне. Таким образом, внутренний кризис на Украине перерос, в итоге, в сложный внешнеполитический конфликт. Градус напряжённости между сторонами конфликта постоянно возрастает. Риторика политиков-участников конфликта становится всё более категоричной и жёсткой. По мнению автора данного исследования, одной из причин рассматриваемого конфликта является сбой в системе экономических взаимоотношений между его участниками: Украиной, Европейским Союзом, Россией, США. Важность исследования причин данного политического конфликта неоспорима вследствие того, что Россия является в нём не просто сторонним наблюдателем, а представляет и защищает свои экономические и геополитические интересы.

Проведённый анализ позволяет сделать заключение о том, что *экономическое развитие Украины, во-первых, не является динамичным и устойчивым. Экономика, по сути, сконцентрирована на том, чтобы брать долги с целью погашения текущих обязательств, заботясь лишь о кредитных рейтингах и не заботясь о реальном экономическом развитии. Во-вторых, развитие экономики Украины, по состоянию на 2013 г., чрезвычайно неустойчиво и находится колоссальной зависимо-*

сти от внешнего локального и глобального негативного воздействия. Это немедленно сказывается на уровне жизни населения, создавая угрозу социально-экономических потрясений. Именно такая ситуация, по мнению автора, и сложилась в декабре 2013 г. Таким образом, налицо экономические предпосылки внутривнутриполитического кризиса на Украине, возникшего в декабре 2013 г.

Неэффективная, убыточная экономика Украины в течение исследуемого периода времени кредитовалась банками из России, ЕС и США. Доля участия российских банков в экономической системе Украины весьма высока. Значит, любое экономическое решение Украины затрагивает и экономические интересы России.

В начале зимы 2013 года глава Украины дал сигнал на сближение и сотрудничество с Евросоюзом, одновременно проявляя интерес и к России. Простота и сложность ситуации состоит в том, что Украина встала перед проблемой выбора приоритетного союзника.

Это проявилось в стремлении примкнуть либо к Евросоюзу с мало-реализуемой перспективой вступления в него на правах потенциального полноправного участника, либо во вступлении Украины в Таможенный союз, в котором лидирующую позицию заняла Россия, отводя при этом Украине роль безусловного полноправного партнёра. Очевидно, что окончательное решение примкнуть к одной из сторон является одновременно решением об отдалении от другой стороны. В результате, как блок ЕС-США, так и Россия настороженно отнеслись к нерешительности и, очевидно, двусмысленному поведению руководства Украины.

Внутри же Украинского государства резко активизировались два политических течения: одно из них, представлено силами, выступающими за интеграцию с ЕС при поддержке США; второе – выступает за более тесное сотрудничество с Россией. Представители второго течения отдают и себе и окружающим отчёт в том, что подрыв экономических отношений с Россией, к чему, похоже, призывают Украину с Запада, чреват гораздо более серьёзными социально-экономическими последствиями, чем ослабление отношений с ЕС. Важно отметить, что о сроках и условиях вступления Украины в Евросоюз на правах полноправного участника вопрос не поднимался.

Попробуем сопоставить ряд фактов. Экономика Украины слаба, как, например, слаба экономика Греции – участника ЕС. Да, в страны Евросоюза оказали в своё время помощь этой стране. Но с каким трудом принимались решения о финансовой помощи Греции, какие непопулярные решения принимало руководство Греции по отношению к собственным гражданам. Однако преодолеть финансовые трудности грекам не удаётся до сих пор.

Будет ли выступать ЕС в роли «экономического реаниматолога» Украины в случае их потенциальной интеграции? Этот вопрос оставляю без ответа, поскольку даже если помощь и последует, то хватило бы её на пол-

ноценное и безусловное решение экономических проблем Украины? При существующих экономических проблемах внутри ЕС появление ещё одного дотационного и экономически неэффективного субъекта привело бы только к усугублению этих проблем.

С другой стороны, в условиях загнанной и буксующей экономики Украины, нарушение экономических отношений с Россией, очевидно, приведёт к её полному коллапсу.

Ведь именно РФ обеспечивает Украину энергоресурсами, причём по льготным, отличающимся от мировых, ценам. Именно Россия является крупнейшим торговым партнёром Украины. Кроме того, через Украину проходит и транзит нефти и газа в Европу, что приносит дополнительные средства в бюджет Украины, и именно ЕС заинтересован в том, чтобы поток энергоресурсов из РФ проходил бесперебойно.

Таким образом, в ноябре-декабре 2013 г. начал происходить открытый захват сфер влияния РФ на Украине путём политического манипулирования антироссийскими силами внутри Украины.

В то же время украинский национализм является лишь одним из течений западного радикализма и для более глубокого понимания его последствий необходимо обратить внимание на идентификацию признаков западного радикализма.

Известным шагом в этом направлении можно считать попытку определить суть идеологии через фиксированный набор ключевых идей (понятий). Классик британского консерватизма Э. Бёрк был одним из первых представителей такого подхода. Он приводил следующий список идей консерватора: конкретные права вместо абстрактных естественных прав; органическая концепция общества как вечного партнерства между прошлым, настоящим и будущим; история как аккумулированная мудрость всех поколений; естественное неравенство людей, а потому также неравенство их статусов и владений; уважение к власти и её институтам, закону и религии; принятие постепенных изменений внутри структур, отвечающих перечисленным ценностям.

С учётом сказанного, идеологии не могут быть типологизированы посредством какого-то одного главного организующего концепта. На самом деле они могут быть описаны как имеющие несколько ядерных концептов. Это предполагает наличие множества идеологических гибридов: консервативного либерализма, либерального социализма и проч. Более того, с течением времени – как и в случае биологической эволюции – ядро идеологий может терять или приобретать какие-то концепты. В этом случае можно говорить об идеологических мутациях

Это надо иметь в виду и при определении ядра праворадикальной идеологии. Повторим: она не состоит из какого-то одного или двух главных концептов. Напротив, имеет место исторически меняющееся созвездие концептов, которое выражает главную идею идеологии.

В правом радикализме эта главная идея состоит – если использовать предложенную Р. Гриффином терминологию – в палингенетическом мифе, т. е. мифе о повторном рождении национальной (расовой) общности. По словам отечественного историка и политолога А. А. Галкина, в основе этого мифа лежит «возрождение и оздоровление в своей стране «титულიной» нации, рассматриваемой как этническо-биологическое единство, укоренение в ней изначальных, исконных ценностей, придание ей единственно эффективной формы общественной организации». А. А. Галкин обозначает главную идею праворадикальной идеологии «правоконсервативным революционаризмом», что по смыслу совпадает с аналогичными терминами, предложенными Р. Гриффином: «бескомпромиссный, аутентичный революционный национализм», «революционная миссия правого экстремизма». Термин Галкина представляется особенно удачным, поскольку он чётко выражает главную новацию праворадикальной идеологии: парадоксальное для предшествующей консервативной традиции сочетание консерватизма и революционности. В этой связи есть смысл акцентировать качественную концептуальную разницу между консерватизмом и революционным консерватизмом, но одновременно их генетическое родство: исторически именно консерватизм мутирует в фашизм, а не социализм или либерализм.

Оригинальность идеологической структуры консерватизма состоит в том, что его основная идея не привязана столь систематически к определенному набору концептов, как это имеет место в идеологии его главных конкурентов – либералов и социалистов.

Считается часто (как самими консерваторами, так и их противниками), что консерватизм, прежде всего, озабочен сохранением статус-кво. Это представляется его главной чертой, заменяющей ему отсутствие концептуального ядра и смежных с ним концептов социальной справедливости, свободы, демократии и т. д. Типичным выражением такого понимания консерватизма Фриден считает статью С. Хантингтона «Conservatism as an Ideology». Для Хантингтона консерватизм – это позиционная идеология, которой не хватает собственной интеллектуальной традиции и самостоятельных идей. Он есть ответ на атаку против установившихся институтов. По Хантингтону, консерватизм есть система идей, используемых для оправдания любого установленного социального порядка, независимо от того, где и когда он существует, против фундаментального изменения его природы, причем независимо, из каких соображений изменения. Консерватизм не наследуется во времени, он представляет собой серию внезапных рождений и смертей, провоцируемых извне.

Консерваторы, таким образом, сводятся к роли оппонентов всего нового, они движутся к позициям, которые покинули группы, испытывающие процесс изменений. В этом смысле Хантингтон говорил о консерватизме даже позднекоммунистических элит в Восточной Европе. Хантингтон под-

черкивает при этом, что позиционность консерваторов исключает их идентификацию в терминах левого и правого. М. Фриден называет это «хамелеонной теорией консерватизма».

Эта метафора, при всей своей меткости, упускает один важный момент – наличие в консерватизме, как и в любой идеологии, главной идеи, которая придаёт консерватизму оригинальное лицо, дискурсивную связность и которая не может состоять в одном только «хамелеонстве». Прежде всего, по Фридену, консерватизм не является идеологией статус-кво. Скорее, это идеология, которая, напротив, весьма озабочена проблемой социальных изменений: необязательно, правда, с целью их элиминировать, но чтобы сделать любые социальные изменения безопасными. Естественные (органические) изменения – это те, которые осуществляются в испытанных рамках, а потому не превышают возможностей людей приспособиться к этим изменениям. Консерватор признает только те изменения, которые не нарушают общественную стабильность и проявляют уважение к прошлому. Это – первейший компонент консервативной идеологии, по М.Фридену. Причём базовые концепты конкурирующих с консерватизмом идеологий (свобода, разум, благоденствие и т. д.) суть для консерватизма только смежные концепты для корневой идеи контролируемых изменений и выбираются только как ответ на угрозу искусственных, организованных человеком, изменений.

Защита «нормального» типа изменений сопровождается, по словам М. Фридена, вторым компонентом консерватизма — верой во внечеловеческое происхождение социального порядка. В роли такого высшего порядка могут выступать Бог, История, Наука и проч. В XIX веке консерваторы рассматривали стабильность как функцию естественного порядка или иерархии, в первой половине XX века они подчёркивали неизменные психологические принципы человеческой природы, а в эпоху «государства всеобщего благоденствия» и «свободного рынка» консерваторы обращались к «естественному порядку» в лице «научных» экономических законов, наделенных якобы универсальной силой.

Вера во внечеловеческие основы общества снижает достоинство и статус индивида, наделённого свободной волей, ставит под вопрос рациональность «искусственных» человеческих планов, ограничивает силу государства и социальной организации. Одним словом, это маргинализирует роль политики как тщательно спланированной, целенаправленной деятельности людей. Такой политический скептицизм следует отличать от либеральных стремлений оградить приватную сферу человека от чрезмерного вмешательства государства. В случае консерватизма речь идёт о более фундаментальном ограничении политики до сферы возможного, которое не угрожает социальному порядку. Политика для консерватора уместна только в той мере, в какой она занимается поддержанием правил, защищающих внечеловеческий порядок с его органическим процессом измене-

ний, защищающих от неизбывного авантюризма «человеческого гения», столь любимого либералами и социалистами.

Идея внечеловеческого порядка, предполагающая деградацию роли человеческой активности, политической воли, существенно отличает консерватизм от правого радикализма, в котором «мужчины делают историю». Заметим, в целом, что две указанные выше специфические черты консерватизма существенно отличают его от правого радикализма. Последний готов столь же радикально, как большевики или анархисты, рвать с почтенным прошлым и его «гнилыми» традициями во имя «нового века». Правда, в отличие от тех же большевиков, этот революционный разрыв с прошлым осуществляется у правых радикалов не для того, чтобы построить радикально новый социальный порядок, но с целью вернуться в социальный порядок радикально старый, т. е. в героическую эпоху, предшествовавшую периоду «гниения и распада». Только в этом смысле правый радикализм презирает изменения, к которым может приспособиться «маленький человек». История имеет ценность, если она пишется героями как воплощением «вечно возвращающегося» национального (расового) мифа.

Вместе с тем, направленность праворадикального идеала в прошлое, а не будущее, его явно мифологический, иррациональный характер, сближает правых радикалов с консерваторами. И это наводит на мысль об их более глубоком родстве, а именно, на уровне реактивно-позиционной по своей сути морфологии.

Поясним вслед за М. Фриденем, в чём суть этой морфологии. Британский ученый говорит о «фундаментальной асимметрии между морфологией консерватизма и морфологией его противников». Суть этой асимметрии в том, что консерватизм, в отличие от прогрессистских идеологий вроде либерализма и социализма, воздерживается от разработки самостоятельной теоретической системы, оперирующей какими-то универсальными человеческими ценностями, а также реализацией человеческого потенциала внутри справедливо организованных порядков. Теоретические построения у консерваторов возникают только как реакция на своих идеологических соперников, только в отношении к ним. Другими словами, консерватор мыслит систематически и связно лишь тогда, когда он отвечает на вызов прогрессистских идеологий.

С этим реактивно-позиционным характером консервативного дискурса Фриден и связывает специфический механизм его концептуальных построений, называя его «зеркальным изображением».

Зеркальное отражение как составная часть консерватизма – это не прямолинейная попытка выстроить непрерывную контрапозицию относительно позиции своих оппонентов.

Если консервативная идеология и выступает в функции зеркала, то зеркала гибкого, действующего как бы на шарнирах («swivel mirror», как

выражается М. Фриден). Это, прежде всего, объясняется постоянной сменной (в зависимости от исторического пространства и времени) соперников консерватизма. А среди них побывали и классический либерализм, и «государство всеобщего благосостояния», и социалисты, и фашисты, и коммунисты. Консерваторы каждый раз определяют, кто для них в данный момент является главным врагом, и стремятся дать ему достойный идеологический отпор. Это, действительно, похоже на работу зеркала с шарнирными соединениями, которое может быть установлено под любым углом, чтобы ловить разные отражения.

Феномен зеркального изображения обеспечивает то, что консервативное мышление переводит присущие его идеологическим соперникам корневые (ядерные) политические концепты, оперирующие ценностями, во вторичные, второстепенные, смежные и периферийные концепты. Точнее, консерваторы развивают антитезисы (альтернативные концепты) для таких прогрессистских ядерных концептов (и соответствующих им тезисов), как разум, равенство, индивидуальность, а потом (часто бессознательно) устанавливают им смежный статус в рамках своей концептуальной структуры.

Из шарнирно-зеркального принципа консервативного позиционирования относительно других идеологий вытекает ряд черт концептуальной морфологии консерватизма, которые одновременно и сближают его с правым радикализмом, и отличают от него.

Давно замечено, что консервативный и праворадикальный дискурс сходятся в критическом отношении к рационализму. Но только идейная мотивация этого критицизма разная.

Консерваторы не приемлют буржуазный рационализм, поскольку он утверждает суверенитет личности, бросает вызов существующей власти во имя абстрактной логики; потому что он не основан на практических знаниях, питает химеру внешне организованных социальных отношений. Для консерватора личность допускается только внутри сдерживающих её социальных и моральных структур (норм), где она маргинализирована за счет порядка, стабильности и непрерывности. Для политического радикализма такое умаление личностного начала недопустимо. Правые радикалы критикуют рационализм как мировоззрение мелкого обывателя, подвижного эгоистическим расчетом и неспособного подняться до мистических вершин Национальной (расовой) Идеи, Мифа.

Пожалуй, главное отличие правых радикалов от консерваторов состоит том, что они осуществляют не столько идейную оборону, сколько нападение. Правда, это нападение оформлено в миф, иррациональную волю, часто в несвязное собрание идей, в отличие от прогрессистских идеологий, и это обнаруживает связь правого радикализма с консервативным стилем мышления. Даже идея консервативной революции есть продукт отражения идеологических соперников в зеркале на шарнирах – ответ на революционный вызов, брошенный коммунизмом (большевизмом). И хотя

само по себе соединение консервативной позиции с позицией революционной кажется верхом абсурдности, как раз это сочетание составило суть той мутации, которой подвергся консерватизм на пути к фашизму А. А. Галкин и П. Ю. Рахшмир убедительно показывают феноменологию этой мутации на примере «обновленческих тенденций» в немецком консерватизме после Ноябрьской революции 1918 года в виде младоконсерваторов, идеологов «прусского (немецкого) социализма» и «консервативной революции». Здесь важно, как при этом консервативная позиция, с одной стороны, в русле своей «шарнирно-зеркальной морфологии» превращает в смежные концепты ядерные концепты конкурирующей с ним идеологии социализма и большевизма, маргинализируя одновременно корневые концепты либерализма. У Освальда Шпенглера рабочий социализм становится «пруссским социализмом», а пролетарский интернационализм – «расовым интернационализмом». Показательным в этом отношении было и поведение основателя «Антибольшевистской Лиги» Э. Штадлера, который тоже «стремился не выдвигать новые идеи, а перехватывать те, которые уже получили широкое признание, вкладывая в них иное содержание».

Как и любые консерваторы, консервативные «обновленцы» – в отличие от большевиков – видели свой идеал не впереди, а позади современного им общества. Однако они шли гораздо дальше традиционных консерваторов, ибо вильгельмовская Германия казалась им уже не «утраченным раем», а одним из этапов либерального разложения общества. Здесь берет свой исток идея «революции наоборот» – консервативной революции как альтернативы революции коммунистической. Праворадикальный консерватизм тем самым перехватывает в ядерную часть своей идеологической конструкции концепт революции, который до этого выступал отличительной чертой исключительно социалистических и коммунистических доктрин. Ярким выражением этой идеологической мутации стал национал-большевизм, в некоторых моментах оппозиционный гитлеровскому национал-социализму.

Национал-большевизм традиционно связывают с идеями, развитыми в среде русской эмиграции, но М. Агурский справедливо замечает, что «формирование национал-большевизма не обошлось без немецкого влияния». Заметим, что в «национал-большевизме» В. Ленин и К. Радек обвиняли не переметнувшихся к большевикам традиционалистских консерваторов, а часть своих коммунистических коллег из охваченной национальным кризисом Германии. Однако и в консервативном лагере наблюдалось движение в сторону большевиков. Эта линия уже заметна в «Третьем Рейхе» Мёллера ван ден Брука, в его идее «консервативного восточного блока», включающего Россию, хотя и без большевиков. А консервативно-революционный идеал, развивавшийся в публикациях журнала «Спротивление», уже вполне реабилитировал большевизм. Правда, тем самым этот идеал отнюдь не образовывал гибрида с большевистской идеологией,

но лишь создавал его идеальный образ, его праворадикальную стилизацию.

Именно благодаря генетической связи консерватизма и фашизма многие видные консервативные идеологи пришли к поддержке фашизма, а с другой стороны, «фашизм, вне зависимости от особенностей генезиса его первичных отрядов, приобрел чётко выраженный консервативный облик, выступая как хотя и крайняя, но, тем не менее, составная часть консервативного лагеря».

Эрнст Никиш, духовный лидер упомянутого издания, начинавший свою политическую карьеру в рядах германской социал-демократии, усматривал основной смысл Октябрьской революции в возрождении мощи Российской империи. Большевизм для Никиша – это радикальный отказ от Запада, антилиберализм, коллективизм, автократия и насилие. Отказ большевиков от частной собственности, – писал Никиш, – воспламенял у бедных слоев русского народа надежду на спасение, поэтому, когда белые генералы и иностранные интервенты выступили против красного правительства, народ признал в большевизме свое «национальное дело». Русский демократ, либеральный капиталист, прозападно настроенный интеллигент, – все они стали в глазах русского мужика врагами и предателями. «Большевизм, который вскоре стал русским национал-большевизмом, выступил формой, в которой Россия выразила и организовала все силы сопротивления против западных держав-победительниц». В том же духе высказывался и русский национал-большевик Н. Устрялов, называвший советскую власть «национальным фактором современной русской жизни» и ожидавший (не без основания), что «большевизм логикой вещей от якобинизма будет эволюционировать к наполеонизму».

Фашизм между двумя мировыми войнами обнаружил ещё одну черту, актуальную и сегодня: родство консерватизма и правого радикализма проявлялось даже в тех странах, где фашистские идеологии и партии играли второстепенную роль. Здесь, в условиях клерикально-фашистских режимов, возникали консервативно-праворадикальные идеологические гибриды, «в которых доминирующую роль играл традиционный консерватизм, взявший на вооружение некоторые важные элементы фашистской идеологии и политической практики». Более того, даже политическое преследование местных фашистов могло с лихвой компенсироваться поддержкой фашистских режимов за рубежом. Это взаимодействие между консерватизмом и правым радикализмом, как бы перенесенное во внешнеполитическую сферу, а потому не всегда очевидное, сегодня весьма актуально во внешней политике целого ряда государств.

С учетом указанных выше исторических моментов, не следует абсолютизировать тезис о том, что правые радикалы (в отличие от консерваторов) занимают не столько реактивную, сколько активную позицию относительно идеологии своих основных политических соперников. Консерва-

тизм тоже может развивать активную оборону, ещё больше в этом плане сближаясь с праворадикальным дискурсом. Так, правые консерваторы эпохи тэтчеризма и рейганизма, сохраняя общие черты традиционалистского консерватизма, обнаружили вместе с тем и некоторые новые признаки. Эти консерваторы не ориентировались на осторожное позиционирование и приспособление в идеологической сфере, но преследовали стратегию «социального реванша»; они предпочитали не оборону, а наступление в идеологической сфере. В Британии тэтчеризм был нацелен на модернизацию национальной экономики, а не просто на пропаганду «старой, доброй Англии».

Вместе с тем, резкая критика правыми консерваторами либеральных принципов государства всеобщего благоденствия, сближение либерализма с социализмом и коммунизмом, критика «избытка демократии» (в ущерб его «управляемости») и призывы к «сильному государству», – всё это давало повод даже некоторым консерваторам видеть в тэтчеризме праворадикалистский отказ от основных принципов консервативной идеологии. Но, как мы указывали выше со ссылкой на М. Фридена, такая оценка объясняется узким пониманием консерватизма как идеологии, направленной исключительно на сохранение статус-кво.

Слепота некоторых западных правительств на «правый глаз» в оценке политического режима, установившегося на Украине после «Майдана-2014», – это лишь один из свежих, но далеко не единственный пример такого рода.

При этом некоторые концепты классического фашизма не столько маргинализируются, сколько переосмысливаются, как в случае с концептом расы. На место традиционного («дискриминационного») расизма с его идеей высших и низших рас, приходит расизм «дифференциальный» или «оборонительный», охраняющий культурные различия.

Как разъясняет Р. Гриффин, «в основу палингенетического политического мифа положена вера в то, что современники уже переживают или собираются пережить «преображение», «водораздел» или «поворотный момент» в историческом процессе». Содержательно палингенетический миф связан с идеей революционного преобразования общества. Однако термин «революция» трактуется не в его первоначальном значении – как возвращение к идеализированному прошлому, что имело место в циклическом видении истории, – но в «радикально-реставрационном смысле «второго рождения», происходящего после периода ощущаемого упадка ». Тем самым палингенетический миф воспекает «новое начало» или «возрождение» после кризиса. Крайне характерной для этого мифа является идеология мессиански осмысленного «нового человека» – «политизированная версия типичного «мифа героя»». Вождизм и культ личности, традиционно приписываемые фашистской идеологии, на самом деле не являются её атрибутами, хотя и вытекают из идеологемы о «новом человеке».

Вторым базовым концептом фашистской идеологии является популистский ультранационализм. Палингенетический миф содержится во многих версиях идеологий, не имеющих отношения к фашизму. Только комбинация обоих концептов специфицирует идеологию в качестве фашистской. Термин «популистский» означает опору на массу, на «власть народа», как способ легитимации элит или революционных «авангардов». Термин «ультранационализм» близок по смыслу к «интегральному» или «радикальному» национализму и означает ту форму национализма, которая последовательно отрицает либеральные институты и гуманистическую традицию Просвещения. Тем самым «популистский ультранационализм» отказывается от принципов как абсолютизма, так и плюралистического представительства: «В веберовских терминах он популистский ультранационализм отвергает и «традиционные», и «легальные / рациональные» формы политики в пользу превалирования «харизматических» форм, в которых сплочённость и динамизм движений зависят почти исключительно от способности их лидеров стимулировать лояльность и действие».

Популистский ультранационализм связан с понятием нации «как «высшей» расовой, исторической, духовной или органической реальности, которая охватывает всех членов этического сообщества, которые к нему принадлежат». «Нация», воспринимаемая как некий естественный порядок, нуждается в защите от «загрязняющих» её элементов, таких как: смешение рас, иммиграция, анархические склонности, непатриотическая ментальность, либеральный индивидуализм, интернациональный социализм, а также тенденции, развязанные «современным» обществом («восстание масс», крушение моральных ценностей, нивелирование социальных различий, космополитизм, феминизм и т. д.).

Именно соединение в единое идеологическое ядро двух названных концептов специфицирует фашизм и придаёт ему мощную энергию для мобилизации масс: «В определённых условиях фашистское представление о сильной новой нации, вырастающей из разрушения старой системы, может вызвать в восприимчивых умах почти волшебную способность преобразовать безысходное отчаяние в безумный оптимизм и тем самым позволить партии, продвигающей такое представление, завоевать массу последователей». И именно поэтому фашизм крайне неустойчив в политическом плане: существуя только в условиях глубокого кризиса, он неспособен обеспечить приемлемую социальную стабильность; он может только поддерживать движущий его импульс и сплочённость, «постоянно ускоряя события, которые, казалось бы, осуществляли обещание непрерывной революции продолжающегося палингенеза». Тем самым фашизм оказывается обречён на перманентное воспроизводство кризиса, который только и может быть условием его собственного существования.

Этим же обусловлена и необходимость использования тотальной пропаганды и социальной инженерии с целью прикрыть расширяющийся разрыв между утопическими обещаниями и действительностью.

К менее значимым характеристикам «идеального типа» фашизма относятся следующие:

- «творческий нигилизм» как сочетание культурно-исторического оптимизма, – веры в возрождение и очищение нации, – с опорой на насилие и разрушение, когда эта вера не оправдывается реальными событиями;

- «альтернативный модернизм» – фашизм стремится к созданию нового типа общества, заимствуя социально-культурные образцы из прошлого лишь в качестве предпосылки национального возрождения, а не дублирования этих образцов в настоящем. В этом и состоит одно из важнейших отличий фашизма от консерватизма;

- революционный радикализм как способ достижения идеалов национального возрождения;

- примордиалистское понимание нации. Биологический расизм не является атрибутивным признаком фашизма и зависит от целого ряда факторов внешней среды: предшествующей традиции ксенофобии, расовой дискриминации и т. д. Однако, в целом, фашизму свойственно отрицание культурного плюрализма и многоэтнических обществ, что говорит о его крайнем национализме, не обязательно связанном с антисемитизмом и геноцидом;

- империализм также не является атрибутом фашизма. Несмотря на то, что исторически существовавшие формы фашизма были империалистически ориентированы, Р. Гриффин не считает связь между возрождением национального сообщества и потребностью в увеличении его «жизненного пространства» посредством завоеваний. В частности, он указывает на то, что главная тема современного фашизма – «Европа наций».

- антиконсерватизм, антилиберализм, антисоциализм. Таким образом, уже в начале 1990-х гг. Р. Гриффином была предложена модель, позволяющая достаточно чётко идентифицировать фашистскую идеологию. Как уже отмечалось выше, схожую концепцию предложил российский исследователь А. А. Галкин. Согласно его определению, «фашизм – это правоконсервативный революционаризм, пытающийся, не считаясь с жертвами, с социальной ценой, снять реальные противоречия общества, разрушив всё то, что воспринимается им как препоны к сохранению и возрождению специфически понимаемых извечных основ бытия». К признакам фашизма, позволяющим идентифицировать его современных адептов, А. А. Галкин относит следующие:

- крайний антикоммунизм;
- шовинизм и расизм;
- склонность к конспиративным теориям, позволяющим завоевать массы;

- апологетика «сильной (антидемократической) власти»;
- империализм.

Ряд ценностей фашизм заимствует у традиционного консерватизма:

- пренебрежительное отношение к личности, представление о греховности человеческой природы, из которого вытекает требование «жёсткой руки» и тотального контроля в управлении людьми;
- недоверие к разуму, чрезмерное упование на который провозглашается главным источником бедствий;
- оценка нации как основной ячейки и движущей силы общественного устройства,
- стремление свести историю к межнациональным отношениям.

Охарактеризуем теперь подробнее концептуальную структуру отечественного правого радикализма.

1. Базовые концепты.

1.1. Радикальный ультранационализм.

Нация рассматривается как высшая реальность и ценность, которая нуждается в защите и развитии. К одной из ключевых идеологем, которые специфицируют почвенническое (в терминологии А. А. Галкина) направление русского фашизма, можно отнести следующую: «русская нация» чаще всего рассматривается не в примордиалистском смысле (хотя встречается и примордиалистская трактовка), но в культурно-цивилизационном¹.

Объяснить это можно нередко встречающимся парадоксальным сочетанием идей нации и империи, позволяющим экспансионистские устремления. Поэтому цивилизационная идентичность легко сочетается с понятиями: территория, язык, история, традиции, мироощущение и культура. Надо признать, что такая трактовка нации позволяет включить неславянские народы России в понятие «русского народа».

Характерно то, что речь идёт о «трёх ветвях Русского народа» – «великороссах», «малороссах» и «белорусах». При этом любая попытка одной из «братских» ветвей обрести собственную идентичность рассматривается как предательство, отступничество от «общей Судьбы». Для «почвенников» характерно также стремление отмежеваться от европейского фашизма, обосновать уникальный «Третий путь», который имеет не социально-экономические (как в европейских версиях фашизма), но культурно-цивилизационные основания. Нередко в качестве таких оснований выступает православие. Довольно часто также встречается резко негативное отношение к понятиям «россияне» и «советский народ».

Внутренними врагами нации являются иммигранты, мусульмане, кавказцы, левые политические силы, либералы, представители нетрадици-

¹ Важно отметить, что речь не идёт о конструктивистском смысле «гражданской нации».

онной сексуальной ориентации и др. меньшинств, евреи («понаехавшие», «чурки», «чернож...пые», «обезьяны», «национал-предатели», «пятая колонна», «либерасты», «гомосеки», «жиды» и т. д.). К внешним врагам нации относятся: США, страны Европы («Запад»), НАТО, страны Азии, «масоны», «мировое еврейство», «мировое правительство», Украина («пендосы», «гейропейцы», «узкоглазые», «мировая олигархия», «каклы», «бендеровцы» и др.). В качестве истоков и причин кризиса в России нередко называются: СССР и «коммуняки», хотя к Сталину нередко отношение позитивное; либералы-реформаторы 90-х гг. («продажные либерасты, плясавшие под дудку пендосов и целенаправленно уничтожавшие русский народ»); иммигранты, кавказцы; внутренние враги.

Можно предположить, что проблематизация тех или иных аспектов национальной идентичности и «врагов нации» зависит от источников социальной напряжённости, характерных для региона. Так, для правых радикалов Юга России, скорее всего, более актуальной будет «проблема кавказцев, мусульман и либерастов», чем евреев, католиков и «коммуняк». По сути, об этом же говорит и А. А. Галкин, когда предупреждает, что «почвеннический» фашизм в России наиболее опасен по той причине, что он не будет копировать проблематику европейского фашизма, но «будет современным», т.е. сможет найти новые формы воплощения фашистской идеологии, в которых будут выражаться актуальные проблемы.

1.2. Идея посткризисного революционного возрождения (палингенез). К идеологемам, связанным с этим концептом, можно отнести обеспечение «количественного и качественного роста русской нации», возрождение «Великой России» (иногда в расовом аспекте: «Белой Расы»), воссоединение «искусственно разделённого русского народа» (великороссов, малороссов и белорусов), реализация «Демографического потенциала русского народа». В качестве иллюстрации можно сослаться на идеологию «Национал-патриотов России» (НПР): национал-патриотизм, согласно его сторонникам, приобретает своё значение во «времена упадка, разрухи и деградации»; именно это состояние переживает в данный момент «русская нация», что объясняется её разобщённостью и раздробленностью. Поэтому одной из главных задач НПР провозглашается «сплочение нации для возрождения мира в России и духа русского народа».

Политические формы «возрождения России» весьма разнообразны. Здесь и «имперцы» с идеей «возрождения России через возрождение Империи», и сторонники возрождения «православного государства», и монархисты, «возрождающие самодержавие», и борцы за «народный суверенитет», «возрождающие местное самоуправление». Обращает на себя внимание довольно частая апелляция к местному самоуправлению, земству. Похоже, что это можно рассматривать в качестве отличия от европейского фашизма, который чаще всего был этатистски ориентирован. Русские праворадикалы тоже много говорят о «Русском государстве», но при этом не

отрицают «демократию», парламент и партии, и ностальгируют по земским традициям самоуправления. Впрочем, несмотря на разнообразие взглядов на политическое устройство «возрождённой России», для многих праворадикалов общей ценностью является территория. Поэтому, наверное, те или иные формы империализма можно считать одной из специфицирующих русский фашизм характеристик. Кроме того, для русских праворадикалов характерны мессианские претензии.

С европейским фашизмом отечественных праворадикалов сближает частое употребление биологических аналогий, метафор и т. д. (власть в России «больна», государство нужно «лечить», «элиты разложились», нация «растёт» и «расцветает», «великорусский ствол», «ветви Русского народа» и т. д.).

2. Смежные концепты.

2.1. Антилиберализм.

Либерализм рассматриваются как одна из главных причин упадка и деградации современной России, оказавшейся в «глубочайшем системном кризисе, в который её загнали безответственные экспериментаторы». Вместо «либеральной разнузданности», с которой прочно ассоциируются геи, «жиды», гедонизм, культ денег и т. д., провозглашается служение нации, идеалы мужественности. Правовое государство и конституционные процедуры отрицаются в пользу «естественных человеческих прав» на основе традиций.

2.2. Антиконсерватизм также как и в европейских версиях правого радикализма, связан с идеологемами революции, преодоления сложившегося порядка в ситуации кризиса, подчёркнутым антиэлитаризмом.

2.3. «Творческий нигилизм» преломляется в виде презрительного отрицания массовой культуры и сочетается с опорой на насилие как средство очищения нации.

2.4. Антиматериализм и антирационализм в российском контексте конкретизируются в идеологемах: «духовная суверенность» России, православие (как «изначально культуuroобразующая религия»), культурная самобытность России, представление о России как русской традиции-цивилизации, идеалы «социальной правды», симфония светской и церковной власти.

2.5. Холизм находит своё выражение в постулировании традиций общинности и соборности, организмических аналогиях («Нация – это самовозрастающий, способный к сверхплеменной солидарности социальный организм»), провозглашении триединства личности, нации и государства.

2.6. Маскулинность проявляется в культе армии, спорта, здоровья, семьи, национализма и мужественности, самоотверженного служения нации и государству и нации.

2.7. Поиск «Третьего пути». В отличие от западных версий фашизма, в которых «третий путь» имел экономическое измерение и полагался меж-

ду капитализмом и социализмом, в России эта идеологема нередко приобретает экзистенциальный, культурно-цивилизационный характер – как самобытный путь между «Западом» и «Востоком».

2.8. Мистицизм как основа культуры мало чем отличается от западных течений правого радикализма.

2.9. Империализм выражается в популярных геополитических конструкциях, среди которых нередко встречаются идеи «возвращения русским народом утраченных» (во время кризиса) геополитических позиций.

3. Периферийные концепты.

3.1. Культ личности и вождистский принцип не характерен для почвеннической версии фашизма (если и проявляется, то в возвеличивании Сталина).

3.2. Ритуальный, театральный стиль политики («русские марши» и т.д.).

3.3. Парамилитаризм (полувоенный характер молодёжных организаций и движений, высокий моральный авторитет армии).

3.4. Масштабные собрания, шествия, стремление демонстрировать единство.

3.5. Шовинизм проявляется как по отношению к внутренним «врагам» (кавказцам, иммигрантам, «пятой колонне» и т. д.), так и к внешним (к «пендосам», «гейропейцам», украинцам и т. д.).

3.6. Антисемитизм зависит от трактовки «русской нации». Хотя в целом свойственен почвенническому фашизму.

3.7. Корпоративизм в экономике не столь значим, как в европейском фашизме.

В заключение заметим, что идентификация структуры праворадикальных идеологий – как бы она ни была сама по себе важна – ещё не позволяет выносить решение о праворадикальном статусе какой-то конкретной политической организации. Чтобы решить этот вопрос правильно, необходим более дифференцированный подход. Так, в западной литературе различают между праворадикальной субкультурой, праворадикальным движением и праворадикальными партиями. Но прежде всего, надо отличать фактическое дискурсивное поведение соответствующего политического актора от его идеологической самооценки. В противном случае можно фатально недооценить момент политического (само)инсценирования. Так, немецкий политолог Т. Байхельт толкует «революционный экспансионизм» (выражение А. Умланд) партии Жириновского буквально в духе правого радикализма. По его словам, националистическая идеология ЛДПР «соединена со значительным элементом фашизма, когда предполагаемое умиротворение «Юга» методами империалистической политики рассматривается не только как расширение внешней мощи России, но также как средство её духовного возрождения». Однако для любого человека, понимающего реальный (коммерческо-шутовской) характер дискурсивного по-

ведения ЛДПР, неадекватность такого суждения очевидна. Этот пример показывает, что без учета всей широты дискурсивного и социального контекста идентификация праворадикальных политических акторов вряд ли возможна. Ведь в этом контексте праворадикальные идеи – при всей грозности своей изолированной трактовки – часто оказываются лишь «своего рода валютой, используемой в торговле позициями».

В этом контексте интересно отношение российских правых радикалов к В. В. Путину: оно варьируется от резко отрицательного до весьма прохладного. Судя по всему, В. В. Путина они считают «слишком европейским политиком», чуждым идей «возрождения величия русской нации».

Заключение

В заключение следует отметить, что социально-экономические аспекты терроризма как формы хомодеструктивной экономики достаточно многообразны и, безусловно, необходим комплексный, синергетический поход к их нейтрализации.

При этом проблема нейтрализации терроризма касается всех государств мирового сообщества без исключения, поэтому должна вестись в рамках широкого межгосударственного сотрудничества.

В двух ведущих странах арабского мира уже давно идет война: в Сирии и Ираке. Осталось только дестабилизировать ситуацию в Саудовской Аравии, и радикальный исламский экстремизм приложит для этого все усилия. Отряды халифата уже дошли до ПНА и Израиля. Хамас в перспективе станет придатком ИГ.

ИГИЛ четко уловил нынешний расклад сил, когда США бросили все свои усилия против России ради устранения В. Путина и смены нынешнего российского режима на проамериканский, во многом упустив из виду Ближний Восток. Поэтому пока Вашингтон пытается удушить Москву, ИГ будет и далее расширять границы своего влияния, раздвигая границы «халифата» на запад, юг и север. И может случиться так, что этот процесс примет необратимый характер. Недовольные наглой политикой США и Запада в целом, который навязывает идеологию тотального распутства под видом продвижения либеральных идей, навязывая свободу гомосексуализма и педофилии, многие мусульмане, а в последнее время и христиане просто сотнями ежедневно бегут в ряды ИГ, в надежде спасти мир от нового американского либерального нашествия. И надо признать: многие идеи ИГИЛ, а также социальная политика руководства «халифата» над подконтрольной ему территории, выглядит очень привлекательно на фоне того, что предлагает Запад.

Для России же, помимо угрозы с Юга, существует и угроза с Запада под флагом «борьбы за демократию» США стремятся создать марионеточное государство на Украине, способствуя развитию русофобских настроений и активно используя СМИ: недавно, например, стало известно, что на Украине создаются как их уже окрестили «диванные войска», т. е. люди, ведущие войну на информационном поле: в социальных сетях, в блогах и комментариях. В перспективе им предполагается выплачивать вознаграждение за успешные действия и освобождать от службы в армии.

Для более эффективного противодействия терроризму следует вести конструктивные диалоги со странами, заинтересованными в недопущении эскалации терроризма, борьбе с финансированием терроризма и долларизацией экономики и самостоятельном, не контролируемом со стороны Запада пути развития государства и общества.

Методические (практические) рекомендации

кандидат экономических наук
Коробов Алексей Александрович

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ТЕРРОРИЗМА КАК ФОРМЫ
ХОМОДЕСТРУКТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ**

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 1516 от 11.11.2015 г.

Подписано в печать 30.09.2016 г. Формат 60х90¹/₁₆.

Усл. печ. л. – 3,25. Тираж 30 экз. Заказ № 882.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Орел, Игнатова, 2